

Зинзивер № 4 (154) 2026

2026
Санкт-Петербург

ЖУРНАЛ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА И ХОЛДИНГА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Издатель Холдинговая компания «Вест-Консалтинг»

(генеральный директор Евгений Степанов)

Председатель Редакционного совета

Тамара Буковская

Главный редактор

Евгений Степанов

Заместитель главного редактора

Ольга Денисова (проза)

Заместитель главного редактора

Ольга Ефимова (поэзия, критика)

Редакция:

Максим Жуков (электронная версия)

Галина Илюхина

Сергей Киулин

Фёдор Мальцев

Валерий Мишин

Ирина Ракитина (верстка)

Адрес:

Россия, 115230, Москва, Хлебозаводской проезд, д. 7, стр. 9, офис № 12 (7 этаж)
Союз писателей XXI века, издательство «Вест-Консалтинг», редакция журнала «Зинзивер»
Степанову Евгению Викторовичу

E-mail: zinzivier@mail.ru

Сайт журнала

<https://www.zinziver.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Колонка редактора</i>	5
------------------------------------	---

ПЕРЕКЛИЧКА ПОЭТОВ

Евгений КАМИНСКИЙ. В полной мере. Стихотворения.	6
Сергей АЛИХАНОВ. Таинственный полет. Стихотворения	17
Евгений СТЕПАНОВ. Урожай осенний собирая. Стихотворения	21

ДРАМАТУРГИЯ

Мария ПОПОВА. Уехать. Пьеса	24
---------------------------------------	----

ИШТУДИИ

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА. «Скорее бы изменилась как-нибудь наша нескладная, несчастливая жизнь...» (Судьба и творчество Антона Павловича Чехова) Эссе	42
---	----

ИНТЕРВЬЮ

Сергей ПОПОВ: «Сочленение слов — основа всего прочего...» Беседу вел Евгений СТЕПАНОВ	49
--	----

РЕЦЕНЗИИ

Александр Давыдов «Любимый пасынок жизни: Четыре монолога» (Алексей ТУМАНСКИЙ) Иосиф Рухович «Два начала» (Александр БАЛТИН).	53
--	----

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Уважаемые авторы и читатели!

Мы продолжаем работать.
Оставайтесь с нами!

Евгений СТЕПАНОВ

Поэт, прозаик. Родился в 1957 году в Ленинграде. Автор одиннадцати поэтических книг и около двухсот публикаций, в том числе в журналах: «Дружба народов», «Звезда», «Урал», «Волга», «Юность», «Нева», «Аврора», «Октябрь», «День и ночь», «Дети Ра», «Зинзивер», «Крещатик», «Плавучий мост», «Северная Аврора», «Петербург», «Южное сияние», «LiteraruS» (Хельсинки), «Литературная учеба» и др., в альманахах «Поэзия», «День поэзии», «Истоки», «Подвиг», «URBI», «Невский Альманах», «Васильевский остров», «Царское село», «Век XXI» и др., а также в различных коллективных сборниках. Участник многих поэтических антологий, в частности, «Строфы XX века» (М., 1999). Лауреат нескольких литературных премий: журнала «Нева» за лучшую поэтическую публикацию 2021 года, Фестиваля гражданской поэзии в Ярославле 2021 г., Четвертого международного литературного тургеневского фестиваля «Бежин луг» — 2021 (победитель в номинации поэзия). Живет в Санкт-Петербурге.

ПЕРЕКЛИЧКА ПОЭТОВ

В ПОЛНОЙ МЕРЕ

* * *

Ощущение праздника сгинуло
и оставило привкус беды.
Ни фиалка, ни ландыш, ни примула
не счастливей простой лебеды.

Все пред Богом равны? Что за новости:
и прекрасный, как бог, и простой —
все из *божьего* сделаны полностью,
и важны все для Бога? Постой,

красота не равняется ужасу,
и уродство едва ли к лицу
всем, кто жить на земле удосужился,
даже пьянице и простецу.

Иль все то в нас, что к высшему тянется,
чтоб вцепиться там в истины нить,
не важней Богу жалкого пьяницы,
что привык во всем Бога винить?

И все мы — Божье только пристанище,
и о каждом терзается Бог,
то врачующий сердце, то ранящий,
что богами нас сделать не смог?

* * *

Всю зиму зайцем бегал от зимы,
прижав то нос, то ухо рукавицей.
Из тех, что с юга не завезены,
лишь трус последний наших зим боится.

И вот как трус я прятался от стуж,
как псих, светя глазами изо мрака,
мол, плохо мне, холодному, к тому ж
голодному до солнца, как собака.

А должен был с улыбкой до ушей,
(на это «должен» о, как негодую),
когда метет и гонит снег взащей,
тут превращаться в бабу снеговую.

Обязан был, к проспекту семени,
тут леденеть со всеми заедино,
чтобы к весне грядущей от меня
осталась лишь бесчувственная льдина.

Как мог я в детстве так любить ее,
чтоб рваться к ней в любой мороз за двери?!
Иль не определяло бытие
тогда еще сознание в полной мере?

Хотя, признаться, только в те года,
в треухой шапке, шумный неумеха,
я счастлив был. А *это* в нас, когда
ни тьма, ни холод жизни не помеха.

* * *

Солнцы, стеклярус, чернилы,
стан, облаченный в парчу...
Как мне слова эти милы,
как я кричать их хочу!

Пусть и чужды, и нелепы
ныне их смыслы и стать
всем, кому пареной репы
проще хотелось бы стать.

В прошлом кураж и охота.
Нынче ж напьешься «чернил»^{*} —
и ничего не охота,
кроме как бросится в Нил.

Тепленьким *из* дому выйдешь:
небо черно от ворон.
Страшное что-то на идиш
гаркнет вороний барон.

Страшно? А вот и не страшно.
Пусть даже сникшей душе
жизнь эта больше — не брашно,
а прозябанья клише.

Пусть ты давно не в Армани,
черный с похмелья, как ночь,
были б в душе, как в кармане —
солнцы, чернила и проч.

* * *

Все думаю, что вот весна нагрянет —
и двину в парк за домом вековой,
где жизнь пока что, ужаса на грани,
мертвее глыбы льда, хоть волком вой.

И в парке, там, где лезет пар из почвы,
и червяки, оттаяв, кольца выют,
где заодно с воронами не прочь вы
до вечера вкушать его уют,

на лавку рухну рядом со старухой,
копеечной, размякнув, как пломбир,
и Лазарь воскрешенный, вислоухий,
опять волююсь в залитый солнцем мир.

Чтоб слушать час старушки небылицы.
Ну не переть же поперек рожна?!
Как сладко человеку вновь родиться,
не ведая, что жизнь, как смерть, страшна.

* Чернила — дешевый портвейн. — *Прим. автора.*

* * *

А ведь придется терпеть всех, кто взвоят навзрыд.
Мертвым прикинувшись, слушать уныло трюизмы
тех, что пришли убедиться, что — все, ты зарыт,
в души их взгляд уперев без следа укоризны.

Страшно подумать: жизнь кончится и ни за что
больше не будет в таком превосходном формате,
где ты кривой, но игристый, почти, как Шато,
мог зазвучать и — чудесно, как скрипка Амати.

А ведь придется, сжав губы, сойти с корабля,
но не на остров какой-то, а в бездну морскую.
Ах, этот ужас со всяким случается для
счастья узнать благодать ты профукал какую.

Ну и начнется: дознание, следствие, суд...
Тут умереть бы, да умер ты.
Внутри себя глядя,
вспомнишь нехстати, как «черное солнце несут»...
Если уж он не избегнул, то где тебе, дядя?!

* * *

Так что там, куда все придем,
кто — сразу и вдруг, кто — в рассрочку,
где сложный к простому сведен,
и множество сходится в точку?

Где вся наша правда, вся ложь
в такой узел стянуты туго,
что лишь разрубив, и поймешь,
что будет *там*, взыв от испуга.

И факт этот крепче тенет
вас держит на грани, пугая,
но главное то, что гнетет —
за этой не будет другая.

Будь Римского Папы святей,
но там, за чертой, уж не будет
ни троп потайных, ни путей —
всего, что волнует и будит...

Как мертвый песок там года.
И сам ты рыдаешь в гордыне,
пытаясь постичь «никогда»,
что будет навеки отныне.

* * *

Туда отсюда ох не хочется.
Там ждет совсем иная публика.
Здесь у тебя хоть имя-отчество,
а там ты будешь дыркой бублика.

Но кто тебя здесь будет спрашивать?
Возьмут за шиворот и вышвырнут.
Там нет ни вашего, ни нашего,
и всяк душой наружу вывернут.

Вот что скрипит во мне, как мельница,
трезвит, как душ холодный пьяницу:
там воля вольная отменится
и жизнь тюремная потянется.

Что из того, что здесь ты — уникам?
Там, что лишь в сердце, то и значимо.
На ноль помноженному умнику
там жизни сверх не предназначено.

Туда отсюда ох не надо бы!
Но кто тебя здесь спросит ражего,
когда сойдутся силы адовы
тебя туда отправить заживо?!

* * *

Без варежек, шапки-ушанки,
в пальтишке на рыбьем меху
лежал он ничком у Фонтанки,
полвека отдавший стиху.

Не будни ль поэта убили,
когда он вонзал в них свой стих?
Конечно, в нем вскрылись промилле
посмертно. А как же без них?!

Поэт ведь такое устройство,
суть коего вам не видна,
и жить для поэта — геройство.
А где его взять без вина?

Как жил он? Долги, неустойки,
за стенкой — абрек Автандил...
Боюсь, не ходил он вдоль Мойки —
на Чёрную речку ходил.

Неверные ноги-ходули,
возвышенных дум материал...
Искал там дантесовой пули
и смерть на себя примерял.

Но что у Фонтанки поэту
казалось бы делать, когда
та мало похожа на Лету —
не так уж черна в ней вода?

Но смерть его здесь — не осечка,
как мнится поэтам иным:
Лишь Пушкину — Чёрная речка.
Фонтанка же — всем остальным.

* * *

Здесь Второе пришествие чужа,
а вот ног уж не чужа как раз,
побледнев, «Караул!» не кричу я,
не пытаюсь сбежать на Кавказ.

Как для слуха сие неприятно:
Страшный суд это время, когда
открываются черные пятна
в светлых душах, не знавших стыда.

Это самое важное в пьесе
под названием «жизнь дурака»,
где в глаза хвастуну и повесе
ангел вдруг изрекает: «Рака!».

И не ради высокого мщенья
он души человеческой кристалл
отправляет в огонь очищенья,
но чтоб заново тот заблистал.

Лишь затем и наносит увечье,
глядя хмуро, как сводит на нет
жар гудящий в нем все человечье,
оставляя один только свет.

* * *

Смерть, раскинув объятия, ждет
здесь уставшего жить дуралея.
Береженного Бог бережет —
как молитву держу в голове я.

Тороплюсь, ражих толп сторонясь,
жизней их не прельщаясь эрзацем.
У меня с жизнью подлинной связь,
и любовь, если честно признаться...

Чтоб довольным быть жизнью вполне,
не нужны мне ни сваха, ни сводня.
Жизнь, как женщина, кажется мне,
обожает меня и сегодня.

Я, признаться, достаточно стар,
чтоб любить ее всякой, однако,
всю ее принимаю как дар,
ей готовый служить, как собака.

Лишь бы только несла, как волна,
и о брег не боясь вдруг разбиться,
старика обнимала она,
словно юношу — светская львица.

* * *

Ничего от тебя не останется,
говорит мне жена озабоченно,
не получит небесного пьяница —
в ком нет чести и совесть просрочена.

Ждет гульбы лишь душа в нем широкая.
Но не пить же всю ночь ее наняли?!
Нет, кто не жил, вздыхая да охая,
тот посмертно не числится *на* небе.

Сирым нам, не Анталия с Ниццею,
что не могут, конечно, не нравится,
а вериги нужней с власяницею,
чтоб на тот свет за счастьем отправиться.

Потому что лишь там нам откроется
и как истина каждому явится:
легкость, радость, свобода — та троица,
здесь к которой так тянется пьяница.

* * *

Сырнику

Все, что было важно, — никому не нужно.
Все, что было нужно, — поздно получать.
Тщетное одно лишь силится натужно
в сердце вам поставить радости печать.

Важное для жизни с нужным — это враки.
Ничего не нужно сверх того, что есть.
Может, кроме рядом дрыхнувшей собаки,
жизнь отдать вас ради для которой честь.

Вам с такой собакой быть не нужно важным.
Вы всего нужнее для нее такой —
даже в самом старом драповом винтажном,
даже потерявший веру и покой.

Так в глаза вам глянет — даже сердцу больно,
морду вдруг положит так вам на ладонь,
что любовь Христова вспомнится невольно —
та, когда за друга друг идет в огонь.

* * *

Страницу дописал. Ну, вот теперь
кому-то, может быть, и пригодится
история падений и потерь
прикинувшейся зверем райской птицы,

рассказ о плотской радости простой
того, кому, грозя судьбой иною,
вручало время власть над высотой,
а он все прятал крылья за спиною.

Кто, оставляя небо на потом,
то жаждал лишь, что зримо и дебело,
став заедино с гадом и скотом,
которым до небесного нет дела.

Чью летопись открывши, бросят в стол
поклонники фастфуда и эрзаца...
...Но кто лишь выбрал меньшее из зол —
быть зверем и от крыльев отказаться.

* * *

Иного замеса —
не крови, но грез,
по виду — повеса,
по сути — всерьез

сын этого века,
стенающий, как
приехавший грека,
которого рак...

Кого тут и греки,
и римляне, но
который навеки
ни с кем заодно.

Не ждал кто почета,
кто был не в чести
и важное что-то
смел в сердце нести,

в ком скрыто такое,
что только прими —
и нет вам покоя
в Клину ли, в Перми...

В ком грезы завесу
слегка приоткрой —
и вот вам повеса
ранимый такой,

такой нелюбимый,
такой неземной,
гонимый, галимый...
Нет, духом иной.

* * *

Пустые повсюду слова,
высокие все разобрали.
И облик важнее морали,
и правды нужнее молва

всем тем, кто играет в слова
и жить не гнушается этим.
Кому лишь бы сласти, как детям,
без спросу таскать со стола.

О низком, постыдном, пустом —
их звонко поющая лира
для страх позабывшего мира
как мясо Великим постом.

На них бы — реалий ушат,
чтоб в разум вошли! Хлопнув дверью,
сердец своих музыку зверю
со сцены доверить спешат.

Как будто важнее мясца
для зверя их личное скерцо,
как будто у зверя есть сердце,
и он не пожрет их сердца.

* * *

Молодость, как птица, вырвется из рук...
Прекрати яриться, звать ее, мой друг.
Я вот не тоскую. Сам порвал с ней связь.
Хлопотно такую сдерживать, ярясь.

Жанне вдоль аллеи клясться: ай лав ю,
чтоб потом, болея, клясть судьбу свою?!
В ум входи скорее — ставь на Жанне крест,
или гоноря жизнь твою изъест.

Будет только хуже... Пусть уж лучше грипп,
если вымок в луже или в жижу влип.
Кто всю жизнь — про Жанну, долго не живет.
Надевай пижаму, распускай живот,

раскрывай газету, мудрости клевет,
в жизнь влюбленный эту, где той птицы нет.
Вот и отболело то, что так несло.
Пусто и дебело... Все, суши весло.

* * *

Господин Ньютон Исаак в жизни женщин не имел,
хоть всегда носил в трусах инструмент для этих дел.

Господин Исаак Ньютон для науки жил одной,
потому ночной притон обходил он стороной.

Не откроешь физ. закон, если с девой в брак вступил,
где она, хоть не дракон, ест тебя по мере сил.

Право, тут не до наук, если злей, чем паразит,
красоты ее паук выпить жизнь твою грозит.

Нет, не ради райских крыл — ради строгих эвольвент,
он себя на ключ закрыл и забыл про инструмент.

Потому-то, может быть, и открыл законы те,
без которых всем нам выть, чертыхаясь в темноте.

Поэт. Родился в 1947 году в Тбилиси. Окончил Грузинский институт физкультуры. Стихи Сергея Алиханова печатались в журналах «Новый мир», «Знамя», «Москва», «Наш современник», «Юность», «Дети Ра», в альманахах «Поэзия», «День поэзии». Автор поэтических сборников «Голубиный шум», «Долгая осень», «Лен лежит», «Блаженство бега», «Где свет мелькал на сквозняке», «Мимолетный сентябрь». Член Союза писателей России. Живет в Москве.

ТАИНСТВЕННЫЙ ПОЛЕТ

АВАТАРКИ

Как бабочки, мелькают аватарки,
За каждой и судьба, и смысл, и весть.
То вычурны, то нарочито ярки,
Их как поденок по ветру — не счесть.

И обозначен, или обезличен,
Ведя в Сети таинственный полет,
Полночный гость, кому я стал привычен,
Вновь краем монитора промелькнет.

ШОФЕРЮГА

Снова часик-другой каждый рейс простояв в жутких пробках,
Сквозь промзону ты вырулишь, ловко вернешься назад.
Из киношных дебютов, ролей, то удачных, то робких,
Зацепилось чего-то, идет потихоньку на лад!

Все путем! Пролетевший денек, ну, конечно, отсрочка —
То далекая даль превращается в близкую близь.
У прилавка к винцу очень кстати добавить сырочка,
Все живая копейка — откуда она ни возьмись!

* * *

Добирались на трамваях,
В зданиях учились трех —
Это радость для лентяев,
Неудача для зубрех.

Школа вновь переезжала
Из Ваке в Сабуртало.
Заявлялись, как попало, —
С этим очень повезло.

Я лентяйничал отважно,
Чудом сдал почти без шпор.
Пропустил, что было важно, —
Что? — не знаю до сих пор.

* * *

Мне сюда — где находок, разлук и потерь
Числа мчатся вперед и назад,
Где видны только кабели в окна и в дверь,
Как в туннеле змеятся, висят.

И под скрип тормозов, пролетев перегон,
Жму на створки — быстрее открыть!
Снова перебегу из вагона в вагон,
Чтоб поближе мне к выходу быть.

* * *

Свидетельство исчезнувших ремесел —
На темной меди олова следы —
На шкаф когда-то блюдо я забросил,
Достал — и вспомнил темные ряды

Лудильщиков — кислотный запах серный
Вился дымком на рынке городском.
Там патины ажур и блеск неверный
Фальшивым подновляли серебром.

И торговали, мастерили люди,
Сшибая дохрущёвские рубли.
А солнце так сияло в этом блюде,
Когда с отцом мы по базару шли!..

* * *

На кульках с крупой виднелись метки,
И пригляд за каждым был яйцом, —
Для Светланы, для моей соседки,
Был я подозрительным лицом.

В куртке, неудачами продутой,
Я к весне порою голодал,
У соседки я не брал продукты,
Даже в долг под скорый гонорар.

И похоже, действовал не мелко,
Раз в агитпоездку по стране
Щей горячих целая тарелка, —
Да с краями! — доставалась мне.

И среди забытых заморочек
Супчик тот все сытен, да и свеж —
Все звучит Светланы голосочек
Ласковый: «А хлеба сам отрежь».

АВГУРЫ

Они полны сакральных знаний,
Но Форум — грудой руин,
И государственных гаданий
Им не оплачивает Рим.

Не будут мудрые Авгуры
Свою никчемность признавать.
Они упорны и понуры,
И продолжают обсуждать,

Ведь предугадывал гарусник
Путь легионов средь пустынь,
Тесниной перевалов узких
За Альпы двигалась латынь...

* * *

Уже не вверх ведут ступеньки,
А снова вниз, немножко вкось,
Где шьется шапка не по Сеньке,
Поскольку он простоволос.

Чего мы в прошлом опасались,
Оно нам чуждо и сейчас —
И соответствия анализ
Ведет дозорный прищур глаз!

А из подвалов на поверхность
Творения текущих дней
Выходят, заполняя местность,
Тем смыслом, что нельзя на ней.

* * *

Пока я вспоминал Тифлис,
Где дед, отец хлебнули лиха,
Росою сойки напились,
Уже созрела облепиха.

Клевать! Срывать! — шумят, зовут,
Взлетают птицы из-под кочек.
Осенней радостью живут...
А я смотрю в проемы строчек.

Где пал, где похоронен был —
Кромешный год пришелся на год,
Утешусь вспархиваньем крыл —
К созвездьям ярких желтых ягод...

Поэт, прозаик, публицист, издатель, бард, актер, режиссер, автор полнометражных фильмов «Христос-Человечество» и «Основной вопрос». Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ им. М.В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатается с 1981 года. Публиковался в центральной периодике. Автор нескольких книг стихов, вышедших в России, США, Болгарии, Румынии, Венгрии, а также книг прозы и научных монографий. Главный редактор журналов «Зинзивер», «Дети Ра», координатор портала «Читальный зал». Лауреат премии имени А. Дельвига «Литературной газеты» и премий журналов «Нева», «Сура». Руководитель Союза писателей XXI века и издательства «Вест-Консалтинг». Живет в Москве и поселке Быково (Московская область).

УРОЖАЙ ОСЕННИЙ СОБИРАЯ

ДЕД И ВНУК

Ветрами Севера продут,
Дед говорил: — Странанье — благо.
Он был поэт, он был продукт
Эвтерпы, Храма и ГУЛАГа.

А я тогда был очень мал,
Учился в школе, в первом классе.
Дед говорил, а я внимал...
В его избушке, на террасе.

2025

МОЛИТВА

Господи, помилуй нас.
Господи, помилуй нас.
Господи, помилуй вас.

Господи, помилуй вас.
Господи, помилуй вас.
Господи, помилуй нас.

Господи, помилуй нас.
Господи, помилуй вас.
Господи, помилуй нас.

2026

ТЫ УХОДИШЬ

Ты уходишь, а я, погружаясь всецело
В липкий быт, сам себе говорю: «Не реви!»
Батарейка любви неожиданно села.
Разрядилась — увы — батарейка любви.
Селяви ты моя, селяви, селяви.

2026

ЗА ЭТОТ ДЕНЬ, ЗА ЭТУ НОЧЬ

Пока не оторвался тромб,
Пока не бросил хищный Трамп
На мой поселок много бомб,
Хочу спеть жизни дифирамб.

За этот день, за эту ночь,
За этот вспыхнувший рассвет,
За этот сад, где я не прочь
Еще работать триста лет.

За этот лад (в душе!), за дом,
Который маленький, но свой.
За этот сад, где я *потом*
Высокой прорасту травой.

2026

СЕНТЯБРЬ В ПОСЕЛКЕ

Я живу и радуюсь в Быково,
Урожай осенний собирая.
Как сказала Надя Кондакова:
— Дачный сад и есть преддверье Рая.

Я живу и радуюсь: сморода
Уродилась, и набухли груши.
Лечит подмосковная природа
Даже искалеченные души.

Кот похож на сонную тетерю.
Белка по ветвям бежит рисковно...
Я живу и радуюсь, и верю,
Что в Раю не хуже, чем в Быково.

2026

НЕ ЗАБЫВАЯ ДАРВИНА

я человек-медведь
я человек-рыба

я человек-жираф
я человек-колибри

я человек-осел
я человек-баран

я человек-бульдог
я человек-геена

я человек-ворона
я человек-голубь

2026

ДОРОГА

от смерти до смерти — до собственной смерти —
и *после* — дорога —
иду

2026

Поэт, журналист, эссеист, преподаватель. Окончила магистратуру ИГН МГПУ по направлению «Литературный процесс и цифровое образовательное пространство». Преподаватель кафедры отечественной и зарубежной литературы Автономной некоммерческой организации высшего образования «Московский университет "Синергия"». Стихи публиковались в журналах «Студенческий меридиан», «Москва», «Плавучий мост», «Тонкая среда», «Урал», «Тонкая СредА», альманахе «Истоки», на литературном интернет-портале «Сетевая словесность», в «Новых известиях» и др. Неоднократная участница международных литературных фестивалей. Главный редактор литературно-публицистического интернет-журнала и издательства Плюмбум.пресс. Поэтические книги: «На грани» (М: Плюмбум.пресс, 2019, пер. на эстонский язык — Катрин Вяли). Получила I место на Фестивале Литературного Эксперимента в номинации «Поэтическая книга» (2020); «Скоро ты прорастешь» (М: СТиХИ, 2021). Издана в качестве спецприза главного редактора издательства. Стихи переводились на немецкий, английский, эстонский, фарси. Член МСЛ и РСПЛ с 2017 года. Член Союза писателей XXI века с 2026 года.

УЕХАТЬ

Пьеса

Действующие лица:

Маруся, поэтесса. Худенькая, с креативной стрижкой.

Миша, ее приятель по работе, блондин, каре.

Лена, начальница, иногда проходит на высоких каблуках на заднем плане и властно озирает колл-центр. У нее темные длинные волосы.

Таня, старший оператор (*высокая, крупная, мужеподобная, коротко стриженная, с грубым голосом*).

Виктор (*прозаик, авантюрист, высокий угловатый бритый брюнет*).

Мама Маруси (*симпатичная женщина лет 60-ти*).

Света (*поэтесса, низенькая изящная блондинка*).

Официант (*обычный официант в фартуке и с короткой стрижкой*).

Неприятный голос (*просто неприятный голос*).

Операторы (*все время бубнят на заднем плане*).

Проводница (*типичная проводница*).

Гости (*разношерстные гости*).

ДЕЙСТВИЕ 1

ЯВЛЕНИЕ 1

Колл-центр. Вокруг шум. Негромкие переговоры. Несколько рядов столов, на них компьютеры, за столами несколько операторов в гарнитурах спиной к зрителю. Сбоку справа кулер с водой. Слева Маруся в гарнитуре. Правее — Миша, приятель по работе.

(Громкий гудок.)

Маруся: Здравствуйте! «Ку-ку Электроникс», меня зовут Маруся, чем могу помочь?

Неприятный голос: Слушай, ты, у меня ваш новый телевизор не включается! Только купил. Как его включить? Если не заработает, ты у меня ответишь!

Маруся: Уточните, пожалуйста, модель вашей техники!

Неприятный голос: Какая еще модель? Я купил телевизор, он не включается. Двести тыщ отдал! Пять К. Ты больная? Хватит издеваться, иначе я на вас в суд подам.

Маруся (*сосредоточенно, механическим голосом*): По регламенту нашей компании, мне необходимо узнать модель вашего телевизора.

Неприятный голос: Какая модель? Где ее найти?

Маруся: Модель указана сзади телевизора на этикетке или на коробке или на чеке.

Неприятный голос: Телевизор висит на стене, что мне его, снимать, что ли?

Маруся: Вы можете поступить, как вам удобно, нам нужно знать модель телевизора, чтобы вам помочь.

Неприятный голос (злобно): Ладно, перезвоню. (*Бросает трубку, гудки.*)

Миша: Что там?

Маруся: Дурак. Не знает модель телевизора.

Снова звонок.

Неприятный голос: Алло, это снова я.

Маруся: Очень приятно. «Ку-ку Электроникс», меня зовут Маруся, чем могу помочь?

Неприятный голос (зло): Телевизор не включается, зараза!

Маруся: Как я могу к вам обращаться?

Неприятный голос: Какая тебе разница? У меня телевизор не включается, хватит издеваться!

Маруся (*торжественно*): По регламенту нашей компании, мне нужно уточнить ваше имя и модель вашей техники, только так мы сможем вам помочь!

Миша хихикает.

Неприятный голос: Ну, Гена. Модель нашел на чеке. Ку-ку Е-130.

Маруся: Спасибо, записываю. Пожалуйста, проверьте, включен ли в сеть шнур питания, есть ли в пульте батарейки.

Неприятный голос: Да, вставлен, не может он быть не вставлен.

Маруся (*спокойно*): Давайте все-таки проверим! И пульт.

Неприятный голос: Ой, блин, точно! Телевизор включен, в пульте батареек нет. Уф. Спасибо, девушка.

Маруся (*жизнерадостно*): Рада была помочь! Всего хорошего!

Вспыхивает красное пятно света.

(*Снимает наушник, Мише*): Опять debil.

Миша: Мне сейчас звонили и пыхтели в трубку. А кто-то дозвониться не может, дозваниваются и орут сразу.

Старший оператор: Маруся, можно тебя на минутку? Тебе никто не звонит?

Маруся: Да, конечно.

Старший оператор: Поставь на паузу, чтобы звонков не было.

Маруся: Да, поставила! (*Подходит.*)

Старший оператор: У тебя очень длинные диалоги. У нас звонки висят. Старайся быстрее донести информацию! Чем он был недоволен? Он тебя ругал, я слышала. Что случилось?

Маруся: Уже все нормально. Телевизор не включался, все же слышно было. Выяснилось, что нет батареек в пульте.

Старший оператор: Быстрее старайся донести информацию! (*Мише*) А ты уже третью кружку кофе пьешь сегодня. Звонки висят. Принимайте звонки скорее!

Маруся: Ага. (*Идет на место, снимает звонки с паузы. Звонок.*) Вот, опять! (*Берет трубку.*) «Ку-ку Электроникс», меня зовут Маруся, чем могу помочь?

Миша (*его речь переплетается с Марусиной*): Добрый день. «Ку-ку Электроникс», меня зовут Михаил, чем могу помочь?

Старший оператор (*раскачиваясь на стуле*): Не день, а утро еще.

Маруся: Чем могу помочь?

Дурашливый подростковый голос: Алло! Скажите, это магазин интимных товаров?

Маруся: Нет, это «Ку-ку Электроникс», чем-нибудь могу вам помочь? Как могу к вам обращаться?

Дурашливый подростковый голос: Понимаете, мне нужны презервативы с лимоном, хочу заказать.

Маруся: Вы звоните в компанию «Ку-ку Электроникс». У нас нет таких товаров. Всего хорошего. (*Кладет трубку.*)

Старший оператор (*гневно*): Мы не можем говорить клиентам слово «нет». Не помнишь, что ли?

Миша (*громко*): Адрес сервисного центра по телефонам в вашем городе — улица Весенняя, дом 132. Да, только туда, с чеком и гарантийным талоном. Выбросили гарантийный талон? Приходите, но тогда у вас может быть платный ремонт. Не надо ругаться на меня матом, я вам излагаю регламенты компании. Да, тем более, если вы телефон уронили... Это не гарантийный случай. Всего хорошего.

Старший оператор (Мише): Не хами клиенту! Ты не можешь ему сказать: «Не надо ругаться на меня матом».

Миша: А что я могу ему сказать?

Старший оператор: Вставайте оба на паузу, перечитывайте регламенты компании «Ку-Ку Электроникс»? И не дай Бог, сейчас на тебя жалобу напишут, Михаил. И скорее давайте — звонки висят! Все, я пошла отдыхать. Пойду, покурю. *(Встает, уходит.)*

Миша: Маразм!

Маруся: Уже слов никаких нет. *(Вздыхает.)*

Минуту они сидят неподвижно и смотрят в свои мониторы. Вокруг только тихие звонки и переговоры других операторов.

Маруся *(разворачивается на своем крутящемся кресле к залу, гаснет свет, на ней фокусируется прожектор. Маруся говорит, перекрывая бубнение других операторов):* Иногда мне кажется, что это какая-то пародия на жизнь. В те дни, когда я иду на работу, я просыпаюсь через силу, но потом стараюсь быть точной и правильной, как робот. Нельзя подводить коллег и клиентов, нельзя подводить компанию. Я часто не завтракаю, потому что не успеваю. Встаю. Собираюсь. Иду на остановку автобуса. Дожидаюсь его. Еду. Потом пересаживаюсь на другой. Как-то раз по дороге на работу не вошла в маршрутку, меня оттеснили тетки, которые явно ехали не на работу, а так просто куда-то, с огромными сумками, им явно некуда было торопиться. Сказали, там маршрутка и так заполнена, нечего туда лезть. Просто затем, чтобы поставить меня на место, самоутвердиться. Как я на них орала... Нельзя подводить коллег и клиентов. Это суперважная работа — колл-центр. Техническая поддержка. Нас могут оштрафовать за опоздание, но хуже не то, что тебя оштрафуют, а это ощущение, что ты не вписываешься, покрывающее тебя черной и липкой мутией с ног до головы... И все как в неприятном сне. И я приезжаю на работу, быстро включаю компьютер, логинюсь... Иногда не удается с первого раза войти, ты нервничаешь, а система все фиксирует, опоздаешь ты или нет, впишешься в перерыв или нет... Ты вписываешься, ура, или не вписываешься и начинаешь день со сжимающимся сердцем, потому что ты хуже других. Надеваешь наушник и, еще не отошедши от стресса, ждешь первый звонок. Самое нормальное — это когда у тебя просто спрашивают адрес сервисного центра в каком-то городе... Зачем мне это? Затем, что и всем. Мы выживаем. Но кто-то выживает один, это проще, пусть и в чужом городе. А у меня сын-подросток. Наверное, помогая другим, я помогаю ему. Хотя мы почти не видимся.

(Свет гаснет. Включается небольшая подсветка. Маруся поворачивается на своем крутящемся стуле обратно к монитору.)

(Звонок.)

Маруся: Здравствуйте. «Ку-ку Электроникс», оператор колл-центра Маруся, чем могу помочь?

Женский приятный голос: Добрый день. Меня зовут Анна. Помогите настроить каналы на телевизоре!

Маруся: Модель вашего телевизора?

Женский приятный голос: Я уточню и перезвоню...

Маруся: Всего хорошего. *(Мише)* Скажи, пожалуйста, как настраивать каналы?

Миша: Диск В, папка «Регламенты», раздел «Телевизоры». Второй сверху документ, по-моему.

Маруся: Спасибо тебе огромное!

Миша: Скоро получу загранпаспорт. Планирую уехать...

Маруся: Да? Жаль.

(На стене включается большой экран, появляется страница ВКонтакте, открывается мессенджер, вылетают сообщения. Они могут озвучиваться голосом. Звонки и голоса операторов сливаются в неразличимый шум. Включается романтическая музыка.)

Виктор (сообщение): Знаешь, имя у тебя классное... давно за тобой наблюдаю, и не понимаю, как в тебя можно не влюбиться. И знаешь, я даже готов... хоть завтра... бери свой паспорт, я — свой, и пойдем в ЗАГС. Я там, правда, никогда не был, не знаю, как это делается... Но ты такая невероятная, что с тобой бы пошел. Знаешь, вчера мне звонил друг Витя Семёнов, он родился там же, где и ты. Так вот, у него умерла жена, звал на похороны. Ну так вот, можно взять завтра паспорта и подать заявление в ЗАГС. А послезавтра на похороны, поддержим Витьку.

Виктор (сообщение): А хочешь — давай сделаем что-то более стандартное — покатаемся на лыжах в Снеж.ком или пойдем в ЦДХ на какую-нибудь выставку. Или даже просто в ресторан. А?

Маруся (пишет сообщение): Виктор, спасибо сердечное. Я, конечно, в приятном шоке. Давай сначала что-то стандартное, а?

Виктор (сообщение): Давай стандартное!

Маруся (пишет сообщение): Давай!

Миша (Марусе): Ты такая довольная...

Виктор (сообщение): Слушай, мы совсем друг друга не знаем, но, если получится, будет круто. Если нет, тогда, конечно, жаль. Но все же что мы выберем? На метро Динамо, например, есть музей техники, там можно каждую штучковину покрутить, повертеть... Или в Снеж.ком на лыжи поедem кататься? Или на Винзавод? Но как ты пишешь... Как ты складываешь буквы. Можно смотреть на твои строчки бесконечно.

Маруся (пишет сообщение): А давай в Третьяковку! Я там давно не была!

Виктор (сообщение): Ты можешь завтра? Пойдем! Ты во сколько можешь?

Я приду заранее.

Маруся (пишет сообщение): Я могу завтра во вторую половину дня.

Виктор (сообщение): Во сколько? В метро Третьяковская на выходе, я раньше приеду, ты время напиши, какое тебе удобней.

Маруся (пишет сообщение): В 17–00. Нормально?

Виктор (сообщение): Да, сейчас. Я быстро не умею. Договорились!

Маруся (пишет сообщение): Ок!

Виктор (сообщение): Знаешь, я бы еще попереписывался, но мы ведь с тобой оба неплохо умеем писать, поэтому было бы нечестно как-то. Давай дождемся, когда встретимся! Тогда друг про друга все и поймем!

Маруся (*пишет сообщение*): Ну да, согласна!

Виктор (*сообщение*): А у меня вот такой номер (*замазано*). А у тебя какой?!

Маруся (*пишет сообщение*): А у меня вот такой (*замазано*).

Виктор (*сообщение*): Ну тогда завтра в 17–00 на выходе из Третьяковской. Можешь не торопиться. Я замечу, что что-то не так, только когда ты еще не придешь в 19–00. А так буду просто гулять...

Маруся (*пишет сообщение*): Ой. Но я обычно вовремя прихожу.

Виктор (*сообщение*): Тогда на выходе из метро Третьяковская в 17 часов и далее (галерея кстати в 18 часов закрывается на вход).

Маруся (*пишет сообщение*): Это странно. Ну давай так, все равно долго ходить тяжело и скучно.

Виктор (*сообщение*): Я там за последний год все исходил. Иногда скучно и не все понятно, но я тренируюсь...

Маруся (*пишет сообщение*): Раньше я часто ходила на выставки, иногда даже потом статейки об этом писала. Хочу освежить в памяти, что у нас там, в Третьяковской галерее! Договорились!

Вадим (*сообщение*): До встречи!

Маруся (*Мише, радостно*): У меня свидание!

Миша: Удачи!

(На экране мессенджер переключается в раздел «Моя музыка». Игрует жизнерадостная музыка. Например, Sweet Home Alabama — Lynyrd Skynyrd

Маруся пританцовывает.)

Занавес

ЯВЛЕНИЕ 2

Колл-центра на сцене больше нет. Перед зрителями большой экран мультимедиапроектора. Сбоку в темноте показан фрагмент ресторана — столик и стулья, торшер. Включается мультимедиапроектор, на экране слайд-шоу — слайды с картинами из Третьяковской галереи (как вариант — видео с телефона человека, который быстро идет по Третьяковской галерее и снимает). Звучит трек M83 — Outro «Versailles Theme» (Vinyl Rip). После завершения слайд-шоу включается свет, Маруся и Виктор проходят в дверь сбоку, их встречает официант. Теперь играет регги.

Официант: Добрый день. Присаживайтесь за тот столик, пожалуйста!

(Виктор и Маруся садятся. Пауза. Смотрят друг на друга, улыбаются.)

Виктор: Вы нам меню принесите! И мне рюмку водки!

Официант: Прошу немного подождать.

Виктор (*Марусе*): Тебе тут нравится? Здесь неплохо.

(Официант приносит меню. Остается стоять рядом со столиком. Маруся в нерешительности изучает меню.)

Маруся: Мне, наверное, пасту болоньезе. И капучино.

Виктор: Греческий салат, может? Лосось?

Маруся: Ну, ладно. *(Оглядывается.)*

Вадим (Официанту): Вот! А мне графин водки. И колбасную тарелку.

Официант *(Записывая в блокнот)* ...Графин водки. И мясную тарелку... Да, спасибо за заказ. *(Уходит.)*

Маруся: Так классно было все вспомнить, вспомнить все эти картины... *(Улыбается, глядит на Виктора.)*

Официант приносит водку. Виктор наливает рюмку, пьет. Сидит неподвижно.)

Маруся *(с улыбкой.)* Какая картина тебя прямо вот потрясла в этот раз?

Виктор: Ге. «Что есть истина?» Она странная, но я был в Третьяковке уже раз двадцать в этом году. И, наверное, к ней привык.

(Пауза. Маруся неотрывно смотрит на Виктора.)

Виктор: Скажи, а что ты думаешь о встрече Нового года? *(Начинает что-то чертить на салфетке.)*

(Вступает тихая мелодия. M83 — Wait Live — Sziget Festival 2016.)

Маруся: Я думаю, Новый год — это классно. Я думаю, Новый год нужно встретить. Я давно не встречала его как-то необычно.

Виктор: У меня есть одна мысль. Есть дом моих друзей в Новой Москве, по сути, совсем рядом с метро. Они классные, интересные, поют песни, сама увидишь... А потом можно поехать в мой городок. В Москве ведь я бываю лишь по делам, или если что-то интересное... Правда, это далеко от Москвы. Часа три, а то и четыре. Но нам точно будет интересно.

Маруся: Думаю, мы никогда этого не забудем. *(Пишет что-то в своем телефоне. Потом встает, подходит к краю сцены и читает стихи, глядя в зал. Свет гаснет. Цветовые эффекты.)*

* * *

мир вокруг словно овеществленный стих.
осень желтым одуваном над головой.
в тесной маршрутке мир так внезапно стих.
вот и метро. выходить. ты плотно дверь закрой.
вот и метро. тебе по делам. пиши смс.
но не про то, что хочешь побыть один.
синий и сладкий вечер щедро дают вразвес.
скоро зима. и снова качает сплин.

(Музыка затихает.)

Занавес.

ЯВЛЕНИЕ 3

(Колл-центр. Маруся сидит в задумчивости. На своем обычном месте Старший оператор.)

Миша *(заходит, торопится, включает компьютер, садится):* Привет!

Маруся: Привет!

Миша: Как ты? Я с завтрашнего дня в отпуск. А потом. Через какое-то время после отпуска *(снижает голос)* планирую улететь. За границу. Я тебе говорил. Визу дали!

Маруся: Да? Рада за тебя! Только, блин, не знаю, как я тут справлюсь. Но пусть у тебя все получится *(смотрит на него, пораженная.)*

Миша: Никому только... шшш!! *(Палец к губам.)* Как твоё свидание? *(Надевает наушник.)*

Старший оператор *(Отрываясь от монитора, грубо.):* О чем вы там шепчетесь? Давай скорей логинься, Миш! Звонки висят! *(Потягивается, зевает.)* Ладно, я пошла курить.

Маруся вздыхает, делает глоток из кружки чая.

Маруся: Нормальное свидание! Ходили в Третьяковку, потом в ресторан. Ну и...

Миша *(Громко):* «Ку-ку Электроникс», здравствуйте. Меня зовут Михаил. Чем могу вам помочь?

Неприятный голос: У меня стиральная машинка не сливает, не отжимает.

Миша: Модель вашей стиральной машины?

Неприятный голос: Какая разница? Самсунг.

Миша: Мы не можем вам помочь. Мы обслуживаем машинки только «Ку-ку Электроникс». До свидания... *(Марусе.)* Ресторан — это хорошо. Что вкусного ели?

Маруся: Да всякое. Нормально поели *(Смеется.)* Может быть, будем встречать вместе Новый год. Приглашал к своим друзьям-артистам, а потом в свой маленький город. И вот, волнуюсь, не знаю, что надеть даже. Такого у меня никогда не было.

Миша: Ну, до этого момента чуть больше месяца. Все будет нормально. Может, премию дадут.

Маруся: Так все было здорово! *(Звонок.)* «Ку-ку Электроникс», меня зовут Маруся, чем могу помочь? У вас сломался телефон? Где, в Беларуси? А как он сломался? Просто не включается? Какая модель? Надо для статистики. Да, спасибо. *(Вносит в базу данных.)* Спасибо. Какой город? Минск? Улица Фрунзе, дом двадцать. Возьмите с собой чек и гарантийный талон. Гарантийный талон у вас проштампован? Нет? Зайдите в магазин, где покупали, и проштампуйте! Магазин закрылся? В таком случае обслуживание может быть для вас платным. Не надо ругаться, это правила нашей компании. Да, понимаю. Рада была помочь. Спасибо за звонок.

Миша *(весело):* Ты даже подобрела. Не называешь ее дурой.

Маруся смеется.

Маруся *(внезапно серьезно, обернувшись к залу):* Я не знаю, тот ли он. Тот ли это человек? Не знаю.

Музыка (M83 — Un Nouveau Soleil)

Занавес.

ЯВЛЕНИЕ 4

Новый год. Дом друзей Виктора — артистов. Муж и жена сидят на диване, их дочь стоит в углу с тарелкой и кого-то ждет. Здесь же на разнородной мебели за праздничным столом с салатами, тарелками и бутылками разношерстные Гости. Входят Виктор и Маруся.

Виктор: Привет всем!

Маруся: Привет!

При его появлении дочь хозяев заметно волнуется. Роняет вилку.

Муж артист: Это к еще одним гостям! (Громко хохочет. Поворачивается к жене.) Спойте нашу песню!

Жена (Встает): Да!

(Играет музыка. Arcade Fire — Rosoco. Муж и жена артисты как бы поют, все вокруг танцуют. Маша танцует с Вадимом. Молодая дочь хозяев-артистов стоит как столб одна и смотрит на них. Вадим видит это и явно доволен. Маруся явно счастлива, самозабвенно танцует и ничего не замечает.)

Вадим: Мы поедем дальше. Ко мне. Вызываю такси.

(Маруся согласно кивает. Они удаляются со сцены. Дочь хозяев смотрит им вслед. Музыка заканчивается. Свет гаснет. Съемка (возможно, с рук, с мобильного телефона.) На экране такси. Оно едет по заснеженной дороге в лесу, потом глохнет, останавливается. Виктор выходит и говорит по телефону. Темно. Через пару минут подъезжает другое такси, Маруся и Виктор садятся в него и уезжают. Экран гаснет.)

ДЕЙСТВИЕ 2

ЯВЛЕНИЕ 1

Колл-центр. На местах все операторы, кроме Маруси и Миши, и Старший оператор. Сильно торопясь, входит Маруся. Выглядит она растрепанной и уставшей.

Старший оператор: О, наконец-то! Мы уж заждались.

Маруся: Я же предупредила. У меня ЧП. Ехала автобусом из загорода и опоздала. Хотя и на первом автобусе выехала. Жуткие пробки.

Старший оператор: На два часа? Ладно, приступай к работе! Напишешь официальную объяснительную. Лена сказала.

Маруся: Блин... А без этого никак? Я ведь предупредила. У меня правда уважительная причина. Я ведь и чувствую себя неважно. Могла вообще больничный взять и остаться дома. Накануне перемерзла.

Старший оператор (злобно.): Ну, раз ты пришла, то работай. А насчет самочувствия и пробок — это ведь твои личные проблемы, которые не нужно перекладывать на компанию и коллег. Если ты стоишь в смене, то должна работать, а то ты где-то гуляешь, а у нас тут звонки висят.

Все операторы поворачивают головы и с укоризной смотрят на Марусю.

Маруся: Я понимаю, конечно, что у нас висят звонки, но почему бы тогда руководству не взять побольше операторов? Почему нас всего человек пятьдесят, а мы обслуживаем сейчас три страны?

Старший оператор: Четыре. У нас есть Максим и Костя, которые еще и Молдову обслуживают. А по поводу количества операторов — это не твоя забота. Ты должна в первую очередь соблюдать трудовую дисциплину и не портить показатели.

Маруся: *(Включает компьютер, надевает наушник.)* У меня вроде хорошие показатели.

Старший оператор: *(Усмехается.)* Какая самоуверенность! Будем проверять качество твоей работы, какие косяки у тебя были за прошлый месяц. У тебя звонок!

Маруся: «Ку-ку Электроникс», меня зовут Маруся, чем могу помочь? Вас не слышно! *(Пауза.)* Звонок сорвался. Качество связи ужасное.

Старший оператор: Пошла курить. Работайте. *(Уходит.)*

Маруся: У меня время перерыва. *(Встает, уходит в угол сцены. Достает телефон, звонит.)* Да, привет, я доехала. ...Все нормально. Только знобит и за ухом что-то воспалилось. Накануне я перемерзла, помнишь, я тебе рассказывала. Сына не хотели брать в больницу на обследование. Ни один из телефонов не работал, пришлось идти прямо туда, благо больница в моем районе, и стоять там в холод на проходной, чтобы связаться с врачом как-то... Ну да, удалось, положили. На холтер. А тут еще это такси, которое заглохло, тоже и холод, и стресс... Нет, ты ни в чем не виноват. Да, буду беречь себя, конечно, милый, пока мне лишь бы день доработать. Тяжело, конечно. Тут трэш. Но с Новым годом! Было классно. Целую. *(Отключается. Свет гаснет.)*

Занавес.

ЯВЛЕНИЕ 2

Комната Маруси. Она лежит на диване закутанная в одеяло, с перевязанным ухом, в полубессознательном состоянии. В руках телефон. Рядом столик на колесиках, с лекарствами. Входит мама.

Мама: Наверное, пора делать перевязку. У меня сейчас есть время и силы, так что давай.

Маруся: *(подавленно.)* Хорошо.

(Мама разматывает повязку.)

Мама: Ой-ой-ой!

Маруся: Что, плохо?

Мама начинает промывать рану. Берет перекись водорода и льет на ухо, потом на вату, потом прикладывает к ране. Делает новую повязку. Маруся шипит от боли.

Мама: Сегодня лучше, чем раньше.

Маруся: Да? *(Печально.)* Не знаю, когда это закончится. Видишь, прямо после операции на следующий день пришлось выходить на работу. Болит, конечно. Болит. Сама не знаю, как отработала эти два дня.

Мама: Тебе ничего не надо? Может, попить?

Маруся: Да. Ананасового соку. *(Мама наливает в стакан ананасовый сок. Маруся пьет.)* Спасибо. А где Славик?

Мама: Звонила ему. Остается сегодня у Оли. Сказала ему, что тебе лучше. Он вроде обрадовался.

Маруся: А, ладно. Хорошо.

Мама: Я тогда пойду. Если что, зови.

Маруся: Да. Вроде ничего больше не надо, и температура нормальная почти. *(Мама выходит, закрывает дверь. Маруся какое-то время лежит неподвижно.)* Почему ты не звонишь? *(Смотрит в телефон. Включается монитор на стене. На мониторе переписка Виктора ВКонтакте на стене аккаунта симпатичной девушки. Маруся молча прокручивает эту переписку на телефоне. На мониторе отображается эта прокрутка.)*
Затемнение.

ЯВЛЕНИЕ 3

Колл-центр. Маруся сидит на привычном месте. Повязки на ее ухе нет. Есть пластырь. Она выглядит более здоровой, чем раньше, но немного грустной. Рядом Миша. Старший оператор отсутствует.

Маруся: Итак, ты пришел из отпуска... Тебе понравилось?

Миша: Ну да. И вроде, все решилось с той поездкой. Ну помнишь, я говорил. Как твой Новый год?

Маруся: Да было все норм, но товарищ пропал. Я тут поболела, даже операцию перенесла, вот, первый день без повязки.

Миша: Не звонит и не пишет? Странно.

Маруся: Пишет, но не мне. Один раз позвонил и слился. Мог бы мандаринов прислать с курьером, я сказала про операцию.

Миша: А ты ему пишешь?

Маруся: Нет. Противно. Знаешь, я написала о своей болезни ВКонтакте. Куча лайков, но приехала ко мне лишь одна подруга. Встретила ее на остановке вот в таком виде перевязанном, посидели у меня. Для меня это все стало шоком.

Миша: Сочувствую. И как ты справилась? Я-то был не в сети все это время...

Маруся: Мне помогала лишь мама. И хирург оказался нормальный. Мне повезло, организм справился. Я тут работала еще. В таком виде и состоянии. Не хотела подводить отдел. Не могу даже передать, как было тяжело... Но меня, кажется, стали еще больше ненавидеть, чем раньше.

Миша: Может, это субъективное?

Маруся: Нет. Предупредили, что будут проверять. Я опоздала после Нового года на два часа. Ехала из-за города, в пробках простояла.

(Подходит Старший оператор.)

Старший Оператор: Миша, тебя вызывают в маленькую переговорную. Лена зовет.

Миша: А что такое?

Старший оператор: Там скажут. *(Марусе.)* А ты что не работаешь?

Маруся молчит.

Старший оператор *(Мише.)* Собирайся скорее, тебя ждет руководство, мне тоже некогда. *(Марусе.)* Изучи новые правила по микроволновкам! Только что разослали письма, зайди в корпоративную почту! *(Миша встает и уходит со Старшим оператором. Маруся сосредоточенно смотрит в монитор минуты две. Приходит Миша, один, изменившийся в лице.)*

Миша: Я уволен.

Маруся: Как неожиданно! Я думала, кого следующего.

Миша: По закону подлости... Я после отпуска.

Маруся: Тогда следующая, наверное, я...

Миша: Мне предложили отработку две недели, но я решил не отрабатывать. Уйду прямо сейчас. *(Складывает вещи.)*

Маруся: Погоди!.. А за что?

Миша: Сказали, самые низкие показатели в отделе.

Маруся: Знаешь, я тоже мечтаю уехать. Не хочу жить вот так, как сейчас и работать так, как здесь. Сейчас бы заревела!

Миша *(Собрал все свои вещи в пакет.):* Я напишу тебе. Бесит, что уволили после отпуска, когда нет денег. Свинство.

Маруся: Нет слов. Шок. Ты уходишь уже.

Миша: Да. Надо еще пропуск сдать. Ухожу и то как под конвоем...

Маруся: Пока. На связи. *(Остается в задумчивости.)*

(Свет выключается. Экран начинает мерцать, это похоже на помехи TV. Потом на нем появляются сообщения ВКонтакте.)

Виктор (сообщение): Докладываю, как обстоят дела. Дело в том, что в ноябре 2014 я завел себе возлюбленную. Конечно, она не знала об этом. Очень долго я не мог к ней подступиться. Когда же возможности появились, я понял, что ничего не получится, и решил сделать из нее Лауру. У всякого приличного человека и тем более литератора должна быть Лаура. Это игра, где-то даже проект, но наблюдая себя последние два месяца, я нашел, что это не совсем игра. Я полностью поглощен этим. Как дружочек я — никакой. Что нельзя не заметить. Что делать? Не тратить на меня драгоценного времени. Уже и так месяц у нас ничего не происходит, потому что кто-то изображает из себя Петрарку, а кто-то находится в непонятках.

Маруся: (печатает сообщение) Ты меня просто убил. Я мало что понимаю. Может, обсудим голосом? *(Идет звонок в мессенджере.)* Это свинство — не брать трубку, знаешь. Мог бы мне все при встрече объяснить, а не быть как маленький мальчик, который прячется от мамки. Интересно, а когда ты мне говорил про ЗАГС, это тоже был проект?

Виктор: (сообщение) Звонков не слышал, был в другом помещении. Да, забей, мы же и знакомы были совсем немного...

Маруся: (печатает сообщение) Немного? Ты мне предложил выйти замуж — это был проект? Или шутка? Чтобы поржать с литературными друзьями?

Виктор: (сообщение) Проект — всего лишь слово, которое я употребил. Я ведь никогда женат не был, и не предлагал никому. И я не знаю, как к этому относиться. А с литературными друзьями на такие темы не разговариваю.

Маруся: (печатает сообщение) Неловко тебе напоминать, но в наше первое общение, которое ты начал, ты написал, что готов прямо завтра в ЗАГС. Если ты как-то почистил нашу переписку — это твой выбор и преимущество, я сейчас туда не полезу, не буду охать и охать, просто освежаю в твоей памяти.

Виктор: (сообщение) Конечно, я помню. Но это не любовь вовсе, долгая и протяженная, а просто прогулка. Паспорта, бумаги — что я понимаю в этом всем?

Маруся: (печатает сообщение) Ах, да, что ты можешь понимать в этом? Вот насмешил, реально смеюсь! Живи как хочешь, это твое решение — так поступить с нами и нашей близостью. Живи с этим!

Виктор: (сообщение) Я совсем недавно это понял, поэтому все, что могу сделать — не затягивать. Так уж вышло. Прости!

Маруся: (печатает сообщение) Я не готова тебя простить за то, что ты сделал. Я ненавижу то, что ты сделал. И ненавижу ту женщину. Тебя я ненавижу тоже. За то, что ты ни разу не спросил меня, как я себя чувствую, когда мне дважды в день делали перевязки. А сидел у нее в комментах. Я лучше. Хотя у меня нет подушек в виде папиков. И знаешь, я из-за своего опоздания могла разом потерять работу. Я не знаю, как все обошлось в тот день. Но со здоровьем не обошлось.

Виктор: (сообщение) Если бы мы правда любили друг друга и разрушили эту любовь, то это было бы преступление. А так мы правильно делаем, что не идем в дальнейшие заблуждения. Я вот вообще никого никогда не любил. Так что нормально, бывает.

Маруся: *(печатает сообщение)* Блабла. Просто есть что-то, что не дает тебе сказать, что у нас что-то правда было важное.

Виктор *(сообщение спустя несколько секунд):* Да, наверное.

Маруся *(пишет в ответ):* Ок.

Сообщения пропадают. На экране высвечивается надпись: ПРОШЛО ДВА МЕСЯЦА.

(Свет включается. Маруся молча сидит и смотрит в экран компьютера. Рядом ней на своем месте Старший оператор.)

Старший оператор: Маруся, ты все время косячишь в последнее время. Я устала с тобой разбираться. Мы все устали с тобой разбираться. Не знаю, или потому что весна, или еще почему. Подойди к руководству! Тебя ждут в переговорной.

Маруся уходит. Вокруг слышны лишь отдаленные звонки и приглушенные переговоры операторов. Через пару минут Маруся возвращается и какое-то время стоит молча, глядя на все отчужденным взглядом.

Старший оператор: Что там?

Маруся: Меня увольняют.

Старший оператор: Что планируешь делать?

Маруся: Уехать!

Занавес.

ЯВЛЕНИЕ 4

Купе поезда Москва — Геленджик. На одной из двух нижних полок полулежит Маруся. Настроение у нее явно приподнятое. В ногах небрежно брошен рюкзак. Входит ее знакомая поэтесса, Света.

Света: Слушай, ну и встреча!

Маруся *(явно оживляясь и радуясь):* Привет! Стоило решиться уехать, чтобы встретить знакомую из нашей тусовки!

Света: *(Устраивает вещи на верхней полке, с некоторой опаской.)* Сюда положу, пока не пришли. *(Садится на нижней полке напротив.)* Еле успела. Таксист гнал как мог.

Маруся: И не придут. Проводница мне уже сказала, что больше никто в это купе билеты не купил.

Света *(жизнерадостно.):* Роскошно! А не заказать ли нам чайку?

Маруся: Не знаю. Может, закажем...

Голос проводницы из-за сцены: уважаемые пассажиры! Поезд Москва—Геленджик отправляется. Будьте осторожны. Счастливого вам пути!

Звук трогającegoся поезда, который постепенно сменяется ровным постукиванием колес.

Света: Никак не ожидала тебя тут встретить. Вроде у тебя было все отлично, какая-то крутая работа, и вроде тебе на все хватало. И появлялась ты с каким-то классным мужиком, вроде, говорили, он писатель. Что случилось?

Маруся: Сложно обо всем так сразу, но... Работу я потеряла. А классный мужик слился.

Света: Как?

Маруся: Ну, я так поняла, он просто решил развлечься и поиграть. Мы виделись, потом вместе встречали Новый год у его друзей, я ездила к нему в Подмоскowie в ту самую холодину в Новый год, а потом — у меня воспаление (*застудила ухо*), а он пропал. Мне делали операцию...

Света: Даже так? Я что-то видела, ты писала в блоге...

Маруся: Многие видели. Но не суть. В общем, потом, когда я уже поправилась, он внезапно написал мне, что у него тайная возлюбленная. С которой в реальности никаких отношений, но он все равно влюблен... Какой-то бред. А пока я болела, он активно еще с какой-то дамой переписывался. Я видела...

Света: Да? Ну, мне кажется, надо забыть... Какой-то он или авантюрист, или больной. А что ты теперь хочешь делать?

Маруся: Даже не знаю. Поняла, что больше так не могу. Искать работу в Москве, какую-нибудь похожую — нет, ни за что. К нам там относились не то как к животным, не то, как к роботам. Не поверишь, даже выйти на пять минут я могла не тогда, когда это было нужно и удобно, а только по графику. Даже сыну было сложно позвонить.

Света: А как сын, кстати? Без тебя останется?

Маруся: Я уезжаю на время. Он уже взрослый. Я не могу больше. Мне надо отдохнуть, иначе я боюсь сделать какую-то непоправимую глупость. И, может, я найду там работу. Но не представляю, кем. Посуду мыть? В магазин? Не думаю, что буду кому-то там сильно нужна и полезна. Журналистов там своих хватает... На самом деле, я хочу сейчас только одного — окунуться в море. Ощутить его запах, знаешь... Вроде, сейчас оно холодное, но купаться уже можно. И все цветет.

Света: О! У меня есть одна идея. Ты говорила, что работала журналистом когда-то?

Маруся: Да. Фрилансером. Но на это даже не надеюсь. Не выдержу на фрилансе. Не могу писать в таком бешеном ритме, не могу находить заказчиков. Не получается. Работа должна кормить. А если ты не можешь прокормить себя и ребенка (я — ладно), это не работа.

Света: Поняла. У меня несколько знакомых работают репетиторами. Онлайн. На разных сайтах, и по-разному у них получается, но одна прямо в полном порядке. Прошное лето все провела на Утрише. Там и работала. Преподавала детям. И как-то у нее получалось там и купаться, и отдыхать, и ездить на экскурсии, и, в общем, ни в чем она себе не отказывала.

Маруся: Всегда удивлялась, как так люди устраиваются... И да, мне бы тоже очень хотелось чего-то такого. Работа мечты. Жить у моря, работать онлайн... Но совсем так, как некоторые, улететь на Гоа, например, — нет, не могу. Не хочу уезжать из страны. Все-таки сын... А изменить что-то хочется.

Света (листая смартфон.): Я просто кину тебе ссылку на тот ресурс, где она работает. Может, и у тебя получится?!

Маруся (Смотрит в свой смартфон.): Ого! Да, вот, я перешла. Тут надо загрузить свои документы — они у меня есть на телефоне. (*Тыкает пальцами по экрану, загружает документы. Играть музыка рэгги.*) И вроде, у меня получилось!..

(Затемнение. Шум поезда. Небольшая подсветка.)

Света: Но ведь что-то хорошее было в этот период?

Маруся: Да. Я писала стихи. Наверное, только это. *(Смеется.)*

Света: У меня тоже была похожая ситуация. Не совсем, конечно. Вдруг изменил муж. На отдыхе. С соседкой по гостевому дому. Ничто не предвещало. И мы развелись. Не смогла вытерпеть. Ребенка жаль, конечно, спрашивает, спрашивает, почему с нами нет папы, скучает, но вот так. Я нашла другого, но и с ним не сложилось. Это было пару лет назад. И да, я чуть не сошла с ума в это время. Но зато писать начала.

Маруся: Да, помню этот твой период. В соцсетях и на Стихах.ру ты была все рекорды, всякие странные люди приходили в комментарии, целые интернет-баталии разворачивались. Мне особенно запомнилось про улыбку стиральной машины...

Света *(декламирует):*

* * *

когда твой мужчина уходит к блондинке
с улыбкой стиральной машины
это вовсе не повод задуматься, все ли с тобою нормально
это лишь повод
вздохнуть глубоко и принять предложение любое
из тех, что сочтешь подходящим
с ожесточением и радостью

а может с улыбкою легкой
решить что никто в белом свете не нужен
а нужно лишь небо деревья зеркальные лужи
и легкие сны и стихи и прогулки по лесу
и съемка кино
по сценарию собственной жизни
и новое нечто начнется

как вдруг
придет в личку
приветик из прошлого:
«я жив и здоров
и купил я
недавно гитару,
видался с детьми
и люблю я U2 по привычке»
и сердце сожмется

зато чуть спустя
ты увидишь
во сне
как другого
целуешь
когда-то вы были не против

но вот постеснялись
и радостно все же
в реале пусть он далеко
и ты даже не знаешь
насколько

и сердце сожмется
опять
так хрустально
стеснительно
очень жестоко
неявно
неясно

Маруся:

* * *

детка, малышка, бэби
шаги твои очень легки
пальцы так нервно тонки
чуть стоптаны каблуки

весенний снег исчезает
аватары смеются во мгле
друг твой с новой подругой
носится по земле

детка, малышка, бэби
это война, пригнись
вкус сигарет забыла?
мысленно затянись

Света:

* * *

другого леса тайное звучанье
прохладный запах первого цветка
который ты почувствовать еще успеешь
ведь только это правда и прекрасно
а серый город просто ложь и западня для дурака
чертог небесный заполняет мое тело ветром
и я сама не более чем он
приму в объятья мир разлапистый мохнатый
пустые жалкие слова отринув и печаль забывши
в глаза взглянувши встреченной собаке
узревши в них спиральный завихренный мир
конечно мне не взять ее домой

но ей ведь также не принять меня в свое семейство
а потому вперед без сожаленья
да мы ведь сестры потому что самки

Маруся:

* * *

сплю вместе с землею под снегом
вместе вместо и словно слова
наливаются груди
этот город где-то вверху надо мной
переплетеньем дорог и кружевом буден
посвящаю тебе и дарю
фонарем ускользает закат
погружается в зев
ночи смертельной и снежной
и легкой и вечной и пьяной
на обалдевших и мерзлых ветвях
зима улыбается странно

Света:

* * *

и надо быть нежной и робкой,
и словно издавека,
но я не могу сдержаться,
как будто внутри — река.
холодная, быстрая, злая,
веселая, без затей,
чья свежесть — почти морская,
чья страсть — покорять людей.
холодная, быстрая, злая,
веселая, без забот...
и эта река взламывает
твой темный тяжелый лед.

Маруся: Наверное, мы скоро приедем?

Света: Приедем.

Маруся: У меня все получится.

Света: Получится. А я поддержу.

Маруся: Ради этого стоило уехать, знаешь...

Рок-музыка.

Занавес.

Конец.

«СКОРЕЕ БЫ ИЗМЕНИЛАСЬ КАК-НИБУДЬ НАША НЕСКЛАДНАЯ, НЕСЧАСТЛИВАЯ ЖИЗНЬ...»

(Судьба и творчество Антона Павловича Чехова)

Антон Павлович Чехов (1860–1904) справедливо предчувствовал: «Так, мне кажется, если я и умру, то все же буду участвовать в жизни так или иначе». Писатель оставил в завещание людям свою неизбывную мечту о новой прекрасной жизни и о человеке, в котором «должно быть все прекрасно».

Этот знаменитый чеховский призыв в пьесе «Дядя Ваня» (1896) был не декларацией, а руководством к действию. Сам писатель на протяжении всей жизни стремился отвечать этому идеалу. Пути самосовершенствования, согласно Чехову, — «беспрерывный дневной и ночной труд, вечное чтение, штудировка, воля... Тут дорог каждый час...». Путем непрестанного самовоспитания, труда души необходимо «выдавливать из себя по каплям раба», преодолевать рабскую покорность, веками внедряемую в народное самосознание власть имущими «антихристами»-душителями свободы, заповеданной людям Богом. Но «в одно прекрасное утро» работающий над собой человек сможет осознать, «что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая человеческая...». «Буду держаться той рамки, которая ближе сердцу <...>. Рамка эта — абсолютная свобода человека, свобода от насилия, от предрассудков, невежества, черта, свобода от страстей и проч.», — говорил писатель о главном направлении своей жизни и своего творчества.

Современники отмечали в личности и характере Чехова удивительное сочетание мужества, стойкости, силы воли, с одной стороны, и мягкости, кротости, «легендарной скромности», деликатности, — с другой. «Доброму человеку бывает стыдно даже перед собакой», — это убеждение несколько раз встречается в записных книжках Чехова. В повести «Каштанка» (1887), любимой многими с детства, герой, случайно наткнувшись

на потерявшуюся чужую собаку, обращается с ней именно так, как, вероятно, это сделал бы сам писатель: «Он нагнулся к ней и спросил:

— Псина, ты откуда? Я тебя ушиб? О, бедная, бедная... Ну, не сердись, не сердись... Виноват <...> Что же ты скулишь? — продолжал он, сбивая пальцем с ее спины снег. — Где твой хозяин? Должно быть, ты потерялась? Ах, бедный песик! Что же мы теперь будем делать?

Уловив в голосе незнакомца теплую, душевную нотку, Каштанка лизнула ему руку и заскулила еще жалостнее.

— А ты хорошая, смешная! — сказал незнакомец. — Совсем лисица! Ну, что ж, делать нечего, пойдем со мной!»

Особого уважения и самого бережного отношения требуют человеческая личность, человеческое достоинство, в целом жизнь человека. Истинно воспитанные люди, с точки зрения Чехова, «сострадательны не к одним только нищим и кошкам. Они болеют душой и от того, чего не увидишь простым глазом...». Эта постоянная боль души — тоска по идеалу, которому должна соответствовать жизнь. «Какие красивые деревья и, в сущности, какая должна быть около них красивая жизнь!» — восклицал писатель устами одного из героев драмы «Три сестры» (1900).

Любимые персонажи Чехова «горячо, страстно» веруют, что рано или поздно человечество увидит «жизнь светлую, прекрасную, изящную». «Мы услышим ангелов, мы увидим все небо в алмазах, мы увидим, как все зло земное, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собою весь мир, и наша жизнь станет тихой, нежною, сладкою, как ласка. Я верую, верую», — со слезами убеждает себя Соня в финале пьесы «Дядя Ваня». Эта лирическая медитация передает извечное томление растревоженной души, устремленной в «прекрасное далеко»...

Насколько отдаленно от идеала отстоит жизнь, Чехов показывал на протяжении всего творческого пути — от ранних юмористических и сатирических рассказов до лирико-психологических повестей и последних пьес с их глубинным подтекстом, «подводным течением», в которых, по справедливому суждению современников писателя, «реализм возвышается до одухотворенного и глубоко продуманного символа». Обыденная, будничная, серая, убогая жизнь с повседневным поруганием добра, красоты и правды, свободы, духовно-нравственных ценностей — эта жизнь, которую привыкли считать «нормальной», неизменно отклонилась от нормы, от Божьей заповеди о том, что люди созданы для счастья. Вечное блаженство — таково в наследии святых отцов христианской церкви понимание цели сотворения человека. Святой Григорий Богослов писал: «Мы получили бытие, чтобы благоденствовать; и благоденствовали после того, как получили бытие; нам вверен был рай, чтобы насладиться; нам дана была заповедь, чтобы, сохранив ее, заслужить славу». Но этот вверенный человеку Богом рай был потерян, заповеди нарушены, восторжествовало зло.

В письме А. Н. Плещееву от 9 апреля 1889 года Чехов сформулировал свои творческие установки: «цель моя — убить сразу двух зайцев: правдиво нарисовать жизнь и к стати показать, насколько эта жизнь уклоняется от нормы».

Явные отклонения: деспотизм и угнетение, грубость и невежество, рабскую покорность и забитость, чинопочитание и низкопоклонство, шпионство и доносы, приспособленчество («хамелеонство») и лицемерие, всепоглощающую пошлость и другие пороки человека и общества — писатель изобличал во множестве юмористических и сатирических произведений. Хрестоматийно известные «Толстый и тонкий» (1883), «Смерть чиновника» (1883), «Хамелеон» (1884), «Унтер Пришибеев» (1885) стоят в одном ряду с сотнями других рассказов, юморесок, сенок, зарисовок, этюдов, оригинальных «вещиц». В них проявляются неистощимое чеховское остроумие, жанровая изобретательность, блистательный юмор, меткая сатира.

В то же время сквозь беззаботный, казалось бы, смех проступает вызванная несправедливым устройством жизни невысказанная хандра.

Позже в рассказе «Тоска» (1886) это тягостное чувство воплотилось в полной мере, захлестнуло человеческую душу, переливаясь через край: «Тоска громадная, не знающая границ. Лопни грудь Ионы и вылейся из нее тоска, так она бы, кажется, весь свет залила, но, тем не менее, ее не видно». Извозчику Ионе не с кем поделиться своим тяжким горем: «Сын-то вот помер, а я жив... Чудное дело, смерть дверью обозналась... Заместо того, чтоб ко мне идтить, она к сыну...»: Но среди тысяч людей герой пребывает словно в ледяной пустоте. Никто не желает хотя бы выслушать, что наболело на душе у человека. В нем видят только внешнюю оболочку, место, занимаемое в социуме, — извозчика, который, как механизм, обречен четко выполнить свою функцию:

«— Ну, погоняй, погоняй! Господа, я решительно не могу дальше так ехать! Когда он нас довезет?

— А ты его легонечко подбодри... в шею!»

Всеобщее равнодушие к бедам и несчастьям других Чехов расценивал как «общий гипноз», от которого необходимо избавляться: «Надо, чтобы за дверью каждого довольного, счастливого человека стоял кто-нибудь с молоточком и постоянно напоминал бы стуком, что есть несчастные, что как бы он ни был счастлив, жизнь рано или поздно покажет ему свои когти, стрясется беда — болезнь, бедность, потери, и его никто не увидит и не услышит, как теперь он не видит и не слышит других» («Крыжовник» — 1898).

Свою неизбывную тоску Иона неожиданно-негаданно для себя смог излить только перед бессловесным существом — лошаденкой, такой же измученной, заезженной, как он сам: «— Так-то, брат кобылочка... Нету Кузьмы Ионыча... Приказал долго жить... Взял и помер зря... Таперя, скажем, у тебя жеребеночек, и ты этому жеребеночку родная мать... И вдруг, скажем, этот самый жеребеночек приказал долго жить... Ведь жалко?

Лошаденка жует, слушает и дышит на руки своего хозяина... Иона увлекается и рассказывает ей все...».

Библейский эпиграф: «*Кому повем печаль мою?*» — придает маленькому рассказу с его незатейливым героем-простолудином поистине вселенский масштаб. Духовное одиночество, беззащитность, неприкаянность, невозможность проявления искренних чувств, когда все отгорожены друг от друга и находятся в замкнутом кругу взаимного непонимания, — все эти мотивы и темы станут преобладающими в зрелом творчестве Чехова. В полный голос зазвучат они в драматургии, в рассказах и повестях, среди которых такие шедевры, как «Дом с мезонином» (1896), «Дама с собачкой» (1898), «Дуэль» (1891), «Попрыгунья» (1891), «Черный монах» (1893), «Скрипка Ротшильда» (1894), «Архиерей» (1902) и многие другие.

Так, в повести «Дама с собачкой» герой признается самому себе в том, что «по какому-то странному стечению обстоятельств, быть может, случайному, все, что было для него важно, интересно, необходимо, в чем он был искренен и не обманывал себя, что составляло зерно его жизни, происходило тайно от других, все же, что было его ложью, его оболочкой, в которую он прятался, чтобы скрыть правду, как, например, его служба в банке, споры в клубе, его "низшая раса", хождение с женой на юбилей, — все это было явно. И по себе он судил о других, не верил тому, что видел».

«Мелюзга» — название этого рассказа обобщает мелкотравчатую, раздробленную сущность большинства персонажей Чехова в его ранних произведениях первой половины 1880-х годов — эпохи реакции и безвременья. Чего стоят придуманные писателем говорящие фамилии антигероев! Здесь мелкие чиновники Козьявкин, Невыразимов, Кашалотов и Дездемонов («*Депутат, или Повесть о том, как у Дездемонова 25 рублей пропало*»), Червяков («Смерть чиновника»)

и им подобные, дьякон Вратоадов и протоиерей Восьмистишие, трактирщик Грешкин («Брожение умов»), инспектор духовного училища Двоеточиев («Невидимые миру слезы»), смотритель уездного училища Хамов, законоучитель Змиежалов, инспектор народных училищ Ахахов («Экзамен на чин»), учитель Ахинеев («Клевета»), купцы Синерылов и Недорезов («Гордый человек»), майор Щелкоболов («За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь»), поручик Гауптвахтов («Забыл!»), штык-юнкер Крокодилов («Что лучше?»), отставной прапорщик Вывертов («Упразднили!»), отставной контр-адмирал Ревунов-Караулов («Свадьба с генералом»), девица Подзатылкина («Перед свадьбой»), жених Апломбов («Брак по расчету», «Свадьба»), полицейский исправник Арцыбашев-Свистаковский («Шведская спичка»), полицейский надзиратель Очумелов («Хамелеон»), тайные агенты Прекрасновкусов и Дробискулов («Закуска»), тайный советник Гундасов («Тайный советник»), надворный советник Пальцев («Баран и барышня»), начальник Укусилов («Рыцари без страха и упрека») и великое множество других, часто вовсе безымянных персонажей. «Мелкие коммерсантки, ссудосберегатели, практические людоедишки <...>» («Встреча весны») — все эти ничтожные людишки вращаются в пестром калейдоскопе измельчавшей, испошлившейся тогдашней действительности с ее казенщиной, полицейщиной, подлостью, лакейством, притворством...

Героические характеры, мужественные натуры, незаурядные личности встречались крайне редко или исчезали совсем. Всякую смелую честную мысль власть стремилась задавить на корню, опасаясь проявлений «политической неблагонадежности». В удушливой атмосфере жизни, «не запрещенной циркулярно, но и не разрешенной вполне» («Человек в футляре» — 1898), процветали подозрения, доносы, слежка. «Жизнь нашу можно уподобить безумцу, ведущему самого себя в квартал и пишущему на себя кляузу», — отмечал Чехов в заметках «Философские определения жизни» (1882).

Умные, тонко чувствующие натуры зачастую не выдерживали психологического давления уродливой социально-политической жизни. Многие сходили с ума, заболели манией преследования. Таков герой повести, название которой прочно вошло в русскую речь как крылатая фраза, — «Палата № 6» (1892). Это лингвистическое явление неслучайно, как нет ничего случайного в развитии языка народа. «Самый русский из русских писателей» Н.С. Лесков (1831–1895), будучи маститым автором, одним из первых разглядел оригинальный талант Чехова и благословил его на художественное творчество: «Помазую тебя елеем, как Самуил помазал Давида... Пиши», — обобщил смысл чеховской повести: «В "Палате № 6" в миниатюре изображены общие наши порядки и характеры. Всюду — палата № 6. Это — Россия... Чехов сам не думал, что написал (он мне говорил это), а между тем это так. Палата его — это Русь!».

Предельно сгущенный образ палаты № 6 — всей царской России — двоятся: это и сумасшедший дом, и тюрьма одновременно. Неслучайно в разных произведениях Чехова зачастую повторяются одни и те же бытовые детали, которые наполняются универсально-символическим смыслом. Таков, например, унылый, уродливый, длинный забор, ошетилившийся острыми гвоздями, — символ несвободы и жестокости общественных отношений, разъединенности и тоски людей, навсегда отгороженных от той прекрасной жизни, какой она должна была бы быть. Обшарпанный флигель с палатой № 6 оцепляет «серый больничный забор с гвоздями. Эти гвозди, обращенные остриями вверх, и забор, и самый флигель имеют тот особый унылый, окаянный вид, какой у нас бывает только у больничных и тюремных построек». Замечательный мастер психологической детали Чехов показал подобный забор и в «Даме с собачкой» — напротив, казалось бы, обычного, даже благополучного дома, в котором проживала героиня повести: «Как раз против дома тянулся забор, серый, длинный, с гвоздями.

"От такого забора убежишь", — думал Гуров, поглядывая то на окна, то на забор». И здесь все то же заточение, та же безнадежность, безысходность.

«Никогда нас не выпустят! <...> Сгноят нас здесь! О Господи, неужели же в самом деле на том свете нет ада и эти негодяи будут прощены? Где же справедливость? Отвори, негодяй, я задыхаюсь! <...> Убийцы!» — кричит Иван Дмитрич Громов — пациент, запертый в жуткой палате № 6 больницы для умалишенных. Героя повести отличают высокие духовно-нравственные качества, особенно ценимые Чеховым: благородство, «врожденная деликатность, услужливость, порядочность, нравственная чистота»; «тонкие черты, положенные на его лицо глубоким искренним страданием, разумны и интеллигентны, и в глазах теплый, здоровый блеск. <...> он <...> вежливый, услужливый и необыкновенно деликатный в обращении со всеми <...> хорошо образован и начитан».

Неудивительно, что в атмосфере полицейского государства, в котором в закон возведены подавление свободы, насилие, физическое и нравственное надругательство над личностью, подкрепляемые несправедливым судейством, Громов заболевает манией преследования: «Вечером он не зажигал у себя огня, а ночью не спал и все думал о том, что его могут арестовать, заковать и посадить в тюрьму. Он не знал за собой никакой вины и мог поручиться, что и в будущем никогда не убьет, не подожжет и не украдет; но разве трудно совершить преступление нечаянно, невольно, и разве невозможна клевета, наконец, судебная ошибка? Ведь недаром же вековой народный опыт учит от сумы да тюрьмы не зарекаться. А судебная ошибка при теперешнем судопроизводстве очень возможна и ничего в ней нет мудреного. Люди, имеющие служебное, деловое отношение к чужому страданию, например, судьи, полицейские, врачи, с течением времени, в силу привычки, закаляются до такой степени, что хотели бы, да не могут относиться к своим клиентам иначе как формально <...> При формальном же, бездушном отношении к личности, для того, чтобы невинного человека лишить всех прав состояния и присудить к каторге, судье нужно только одно: время. Только время на соблюдение кое-каких формальностей, за которые судье платят жалованье, а затем — все кончено».

Речи душевнобольного героя вполне благоразумны, глубоко выстраданы. Это острая реакция на торжествующее в жизни зло. Такие слова о наболевшем мог бы повторить каждый честный, здравомыслящий человек: «Говорит он о человеческой подлости, о насилии, попирающем правду, о прекрасной жизни, какая со временем будет на земле, об оконных решетках, напоминающих ему каждую минуту о тупости и жестокости насильников. <...> О горожанам он всегда отзывался с презрением, говоря, что их грубое невежество и сонная животная жизнь кажутся ему мерзкими и отвратительными. <...> О чем, бывало, ни заговоришь с ним, он все сводит к одному: в городе душно и скучно жить, у общества нет высших интересов, оно ведет тусклую, бессмысленную жизнь, разнообразя ее насилием, грубым развратом и лицемерием; подлецы сыты и одеты, а честные питаются крохами; нужны школы, местная газета с честным направлением, театр, публичные чтения, сплоченность интеллигентных сил; нужно, чтоб общество сознало себя и ужаснулось».

Схожее восприятие жизни, от которой терзаются все чуткие люди, отразилось во множестве чеховских произведений второй половины 1880-х — начала 1900-х годов: «Вы взгляните на эту жизнь: наглость и праздность сильных, невежество и скотоподобие слабых, кругом бедность невозможная, теснота, вырождение, пьянство, лицемерие, вранье <...> Все тихо, спокойно, и протестует одна только немая статистика: столько-то с ума сошло, столько-то ведер выпито, столько-то детей погибло от недоедания...» («Крыжовник»).

«Какие дикие нравы, какие лица! Что за бестолковые ночи, какие неинтересные, незаметные дни! Неистовая игра в карты, обжорство, пьянство <...>. Ненужные дела и разговоры все об одном отхватывают на свою долю лучшую часть времени, лучшие силы, и в конце концов

остается какая-то куцая, бескрылая жизнь, какая-то чепуха, и уйти и бежать нельзя, точно сидишь в сумасшедшем доме или в арестантских ротах!» — ужасается в повести «Дама с собачкой» Дмитрий Гуров, когда в нем вдруг пробуждается живая душа.

Сергей Никитин — главный герой повести «Учитель словесности» (1894) — также чуть ли не на грани безумия, когда внезапно приходит отчетливое осознание пустоты и никчемности обывательского существования. Он лихорадочно записывает в своем дневнике: «Где я, Боже мой?! Меня окружает пошлость и пошлость. Скучные, ничтожные люди, горшочки со сметаной, кувшины с молоком, тараканы, глупые женщины... Нет ничего страшнее, оскорбительнее, тоскливее пошлости. Бежать отсюда, бежать сегодня же, иначе я сойду с ума!»

Гимназический учитель словесности, который на время застыл в самодовольстве, остановился в развитии, в ясную минуту прозрения приходит к суду над самим собой: «"В самом деле неловко. Я — учитель словесности, а до сих пор еще не читал Лессинга" <...> он с уверенностью говорил себе, что он вовсе не педагог, а чиновник, такой же бездарный и безличный <...>; никогда у него не было призвания к учительской деятельности, с педагогией он знаком не был и ею никогда не интересовался, обращаться с детьми не умеет; значение того, что он преподавал, было ему неизвестно, и, быть может, даже он учил тому, что не нужно», но он «умеет скрывать свою тупость и ловко обманывает всех, делая вид, что у него, слава Богу, все идет хорошо». Таковы и другие псевдоучителя — коллеги Никитина: «На другой день, в воскресенье, он был в гимназической церкви и виделся там с директором и товарищами. Ему казалось, что все они были заняты только тем, что тщательно скрывали свое невежество и недовольство жизнью».

Однако для героя «иллюзия иссякла и уже начиналась новая, нервная, сознательная жизнь, которая не в ладу с покоем»: «кроме этого мирка, в котором так спокойно и сладко живется ему и вот этому коту, есть ведь еще другой мир... И ему страстно, до тоски вдруг захотелось в этот другой мир, чтобы самому работать где-нибудь на заводе или в большой мастерской, говорить с кафедры, сочинять, печатать, шуметь, утомляться, страдать... Ему захотелось чего-нибудь такого, что захватило бы его до забвения самого себя».

В рассказе «Крыжовник» постаревший герой, ощущая себя бессильным, обращается с умоляющим призывом к молодому поколению: «не успокаивайтесь, не давайте усыплять себя! Пока молодые, сильны, бодры, не уставайте делать добро!»

Чехов сумел показать универсальный конфликт — «противоречие между данным и желанным», жажду полноты жизни и столкновение человека с самим несправедливым устройством действительности, бесконечно далекой от идеала. «Принято говорить, что человеку нужно только три аршина земли. Но ведь три аршина нужны трупу, а не человеку. <...> Человеку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойства и особенности своего свободного духа», — утверждал писатель устами героя рассказа «Крыжовник».

Но «когда нет настоящей жизни, то живут миражами. Все-таки лучше, чем ничего» («Дядя Ваня»). Имитация подлинной жизни, существование по инерции оборачиваются тяжелыми психологическими травмами. В минуты проблесков ясного сознания точно пелена спадает с глаз чеховских героев. К ним приходит прозрение, позднее раскаяние и стремление изменить нелепо, бездарно растрченную жизнь: «жизнь прошла без пользы, без всякого удовольствия, пропала зря, ни за понюшку табаку; впереди уже ничего не осталось, а посмотришь назад — там ничего, кроме убытков, и таких страшных, что даже озноб берет».

Однако запоздалый порыв востребованной души не получает развития, и часто смерть представляется лучшим исходом, чем бескрылая, «убыточная» жизнь. Умиравший герой рассказа «Скрипка Ротшильда» размышляет, «что от смерти будет одна только польза: не надо

ни есть, ни пить, ни платить податей, ни обижать людей, а так как человек лежит в могилке не один год, а сотни, тысячи лет, то, если сосчитать, польза окажется громадная. От жизни человеку — убыток, а от смерти — польза. Это соображение, конечно, справедливо, но все-таки обидно и горько: зачем на свете такой странный порядок, что жизнь, которая дается человеку только один раз, проходит без пользы?»

Современный Чехову критик Волжский (А.С. Глинка) верно отметил, что широко развернутая в произведениях писателя картина жизни «не укладывается в узкие исторические рамки 80-х гг., а идет далеко вширь и вглубь русской действительности, как прошлых, так и будущих десятилетий».

Сергей Попов — один из самых известных современных поэтов. Он выпускник Литературного института, лауреат премии «Писатель XXI века», врач, доктор медицинских наук.

В этом номере журнала он отвечает на вопросы Евгения Степанова.

СЕРГЕЙ ПОПОВ: «СОЧЛЕНЕНИЕ СЛОВ — ОСНОВА ВСЕГО ПРОЧЕГО...»

— Сергей, я рад, что мы продолжаем с тобой наше интервью. Надеюсь, что в скором времени мы подготовим книгу наших бесед. Уверен, что это будет интересно любителям поэзии.

Я проанализировал твои подборки за последние двадцать с лишним лет — именно столько я печатаю тебя в своих журналах — и обнаружил, что твой излюбленный стихотворный размер (метр) — это ямб. Это сознательная позиция или так получается интуитивно? Почему ямб?

— Никогда не озадачивался анализом собственных метрических предпочтений... Как правило предварительно не определяю, как именно ритмически оформится будущее сочинение. Наверное, дело в том, что я ценю такое качество поэтического высказывания как органичность. А четырехстопный ямб, на мой взгляд, самый естественный для русской поэтической речи метр. Не припомню поэта, работавшего в силлабо-тонике, который чурался бы этого стихотворного размера. Разумеется, всем памятно «Четырехстопный ямб мне надоел: им пишет всякий...». Но «Домик в Коломне» в творческом наследии поэта мирно уживется с написанными ямбом «Евгением Онегиным», «Медным всадником» и многим-многом другим... Ямб — это изначально интонационно нейтральный, но эмоционально чрезвычайно пластичный размер, позволяющий передать широчайшую палитру переживаний. Это сродни невзрачному актеру, внешность которого не довлеет над творческими установками, а помогает в полной мере перевоплощаться в диаметрально противоположные персонажи...

Любимый мной Юрий Левитанский — в литинститутские времена бравший меня в свой творческий семинар, но не сложилось — мечтал вослед «Книге о русской рифме» своего друга Давида Самойлова написать «Книгу о русском ритме». А в своих заметках, озаглавленных уже упомянутой первой строкой иронической пушкинской поэмы, он сетовал на невнимание стихотворцев к ритмическому разнообразию и назвал это

не следованием традиции, а нежеланием преодолеть инерцию... Но если ритмическое разнообразие принять в стихотворчестве за самоцель, вряд ли это будет способствовать творческим прорывам...

— **Ты никогда не пробовал писать верлибры? Как ты вообще относишься к верлибру?**

— У меня есть «точечные» опыты. Возможно, случится и более интенсивно работать на этом поле. Но к этому нужно придти, а не механически поставить задачу... Верлибр — вещь заманчивая и коварная. И настоящие удачи в работе с интонационным стихом — редкость. Может быть, в том числе и поэтому он не занял в русской поэзии того места, какое обрел во многих иных литературах... Хотя есть значительные авторы-верлибристы в нашей словесности и ныне. Вячеслав Куприянов тот же... Но, конечно, определяющим является язык, на котором пишется сочинение. А русскому стиху соприроден метр, и прежде всего — четырехстопный ямб...

— **А визуальной поэзией никогда не пробовал заниматься?**

— Нет. В слове и так все уже есть — и изобразительный ряд, и музыка, и многое-многое другое... Может быть, потому не слишком млею и от бардовской песни. Разве что ностальгия нет-нет да и зашевелится... Дополнительные выразительные инструменты зачастую просто губят организм стихотворения — как добавленный сахар поджелудочную железу... Конечно, любопытно порой посмотреть работы того или иного автора и в этой ипостаси. Андрея Вознесенского, к примеру... Но разве здесь он достиг высот, на которые прежде удалось выйти традиционными вербальными средствами? И эта разница в художественном значении разновекторных творческих усилий характерна для большинства пробующих себя на территории визуальной поэзии.

— **Как у тебя начинается работа над стихотворением? Что служит импульсом?..**

— С чем имеет дело читатель, знакомясь со стихотворением? Это сочлененные в определенной последовательности слова. И уже через них читающий ощущает настроение, оценивает образы, откликается ритму, ловит смысловые послания... Именно сочленение слов — основа всего прочего. Поэтому неудивительно, что все начинается со случайно пришедших словосочетания, фразы, идиомы... Наверное, слово «случайно» — лукавство... Ведь ты ждешь этого прихода. Но еще большее лукавство — уверять себя, что и сам, по собственному хотению можешь его организовать...

Как пишутся стихи? Либо быстро — не скажу, что мгновенно, либо очень медленно. В первом случае ты получаешь некую едва успевшую оформиться субстанцию. И нужно успеть подправить какие-то частности, пока она не затвердела. А во втором — да простит меня Микеланджело — ты поистине работаешь с камнем и пытаешься удалить все лишнее. Причем материал можно легко испортить. И тогда придется начинать заново... Средняя скорость сочинительства мне недоступна. Хотя можно предположить, что она и весьма, как ныне говорят, эффективна.

Каждое новое сочинение — это отдельный, живущий по своему уставу монастырь. Он косо поглядывает на соседей — то бишь, предыдущие вирши. И вовсе не стремится в чем-то на них походить. Оттого мои стихи могут показаться разнородными. Но если выбирать между

авторской узнаваемостью и уникальностью каждого конкретного текста, то я без колебаний предпочту второе.

— Иногда твои стихи напоминают мне поток сознания. И смысл прячется в метафоре. Но смысл всегда есть. Юрий Казарин пишет в своем замечательном романе «Немырь», который недавно вышел в Издательстве Евгения Степанова, а до этого печатался в журнале «Дети Ра», что поэзия — овеществленная музыка. Согласен? Значит, и поэтическая музыка имеет какой-то смысл?

— Я бы сказал, что это важнейшая составляющая смысла. Вне «поэтической музыки» стихотворение перестает существовать и его написание становится бессмысленным. Это то, что позволяет стихотворению полноправно бытийствовать, оказывать воздействие, функционировать... Уместно, наверное, вспомнить суждение об этой субстанции — «поэтичности», как формулировал автор — Романа Jakobson: «...содержание понятия "поэзия" неустойчиво и исторически обусловлено, но поэтическая функция, поэтичность, как всегда подчеркивали "формалисты", является ее элементом *sui generis*, элементом, который нельзя механически свести к другим элементам. Этот элемент можно обнаружить и выделить, как, например, обнаружены и выделены формальные средства в кубистических картинах, — однако это особый случай, случай, который с точки зрения диалектики искусства имеет свой *raison d'être*, но все же представляет собой исключение. По большей мере поэтичность входит в сложную структуру лишь как ее составная часть, которая тем не менее преобразует все остальные элементы и в значительной степени определяет характер целого. Точно так же растительное масло не подают в качестве особого блюда, но это и не случайная приправа, не механический элемент, оно меняет вкус всей еды, и порой его роль столь значительна, что рыба теряет свое первоначальное родовое название и ее называют просто рыбой в масле. Если в произведении словесного искусства поэтичность, поэтическая функция обретает определяющее значение, мы говорим о поэзии. Но в чем проявляется поэтичность? В том, что слово ощущается как слово, а отнюдь не как простая презентация названного предмета или как взрыв эмоций. В том, что слова и их строение, их значение, их внешняя и внутренняя форма не представляют собой некоего нейтрального указания на действительность, а приобретают собственные вес и ценность».

— Виктор Соснора как-то сказал, что он пишет не стихи, а книги стихов. А ты? Твоя единица измерения в данном случае что? Стихотворение? Стихотворения? Книга? Строка?

— Многие мои поэтические сборники — и ты это прекрасно знаешь, поскольку был их издателем — имеют подзаголовок «книга стихов». И в этом есть своя художественная логика. У каждой из книг своя определенная архитекtonика, внутренний нелинейный сюжет, собственная эмоциональная аура... Но когда пишу, я сочиняю именно стихотворение. Именно оно для меня является самодостаточной нерасчленимой поэтической единицей. А удачной строкой, изъятый из контекста, можно порой залюбоваться, но это не делает ее полноценным самостоятельным художественным произведением...

— Татьяна Бек мне говорила, что ее заводят чужие стихи. И, прочитав чье-то хорошее стихотворение, она тоже хочет творить... У меня тоже так бывает. А у тебя?

— Так, наверное, и должно быть. Художественно состоявшиеся вещи не могут не окрылять имеющего поэтический слух читателя-сочинителя... Это прямое напоминание о том, что простор для реализации своих авторских возможностей и амбиций не исчерпан. Это едва ли не лучшее побуждение к созидательному действию... И здесь нет никакого оттенка зависти — только стремление умножить радость творческого успеха.

— **Ты знаком с современной молодой поэзией? Есть какие-то имена, которые тебя радуют?**

— Целенаправленно за публикациями молодых авторов следить не получается. Но при возможности читаю, конечно... И многое кажется интересным, доставляет удовольствие. Василий Нацентов, Павел Пономарёв, Дмитрий Ларионов, Степан Султанов, Мирослава Бессонова, Марина Марьяшина, Варвара Заборцева, Яна Цыганкова... Конечно, я пропускаю многое и многих... Но что поделать? Жизнь спрессована... Вообще я не большой любитель разделять поэзию на «молодую», «среднего возраста» и так далее. Значение паспортных данных преувеличено. Есть и зрелые двадцатилетние мастера, и восьмидесятилетние начинающие... Количество прожитых лет — в этом плане не предмет первостепенной важности.

— **Зачем в современном мире поэзия?**

— Мне видится, что в формулировке вопроса было бы уместнее употребить не отсылающее к причинам и мотивам «зачем», а устремленное в будущее и ориентированное на результат «для чего». Для того, чтобы поэтические вибрации поддерживали электрические потенциалы многих и многих сердец — как бы пафосно при всем прямом медицинском значении слов это ни звучало... Это вопрос не только духовного, но и физического выживания. И будучи субстанцией, не столь подверженной коррозии, как многие другие вещи, поэзия обнаруживает редкую ценность. В отсутствии безальтернативной зависимости от времени кроется возможность видеть в ней в том числе и своеобразное мерило многих, часто и внелитературных явлений... А когда понимаешь, что иное измерение по-прежнему внутри нас, тогда и мир неизбежно видится иным. Другими словами — есть вещи, способные своим упорным присутствием изменять суровую расстановку нынешних, казалось бы безнадежно далеких от Геликона звезд...

Беседу вел Евгений СТЕПАНОВ

**Александр Давыдов, «Любимый пасынок жизни: Четыре монолога»
М.: Время, 2026**

РЕЦЕНЗИИ

Александр Давыдов — заслуженный солист и маэстро писательской филармонии, участвовавший в нескольких важных издательских предприятиях нашего времени. В обоих качествах — как некий Янус — он дебютировал еще в сборнике «Вести» — пионерский проект эпохи перестройки — с повестью «Сто дней». То был 1989 год. С тех пор увидели свет восемь томов его прозы и книги переводов, в частности, «Французская поэзия от романтиков до постмодернистов» (2008), не считая множества публикаций в толстых журналах. Надобно упомянуть и «Новый Метафизис» — творческое объединение поэтов и писателей (с участием одного художника и одного композитора), и одноименный сборник, обнародованный издательством НЛО в 2012 г. Его основоположники — писатели А. Давыдов, А. Иличевский и поэт А. Тавров. (Жаль, А. Парщиков не дожил. Он бы уж точно стал тетрархом). И тут вполне закономерно вспоминаются английские поэты-метафизики во главе с Дж. Донном. А еще — last, but not least! — он с 1991 года издает ставший уже легендарным журнал «Комментарии» (Британская энциклопедия в свое время поместила его в тройку лучших толстых журналов на русском языке). Подобный «послужной список» в наше время — выдающееся достижение для писателя (более обширная библиография разве что у беллетристов), — почти готовое собрание сочинений, если присовокупить эссеистику. И вот еще один образец поистине изящной словесности.

В данной книге — четыре текста, образующих своего рода повествовательную секвенцию, не зря ж увенчанную кодой: 1) Обнаженная душа 2) Янус-2 3) Поэма в 16-ти бифуркациях 4) Исповедь любимого пасынка века. Кода. Структурирующий принцип здесь, действительно, музыкальный, не по Шопену, а в духе Шопенгауэра, ибо сущность этой словесности — музыка. Вот что свидетельствует А. Давыдов в краткой прелюдии: «Здесь безусловно ощущается попытка посредством слов создать нечто вроде музыкального сочинения, возможно, симфонии. Отнюдь не звукопись, а самим построением с его лейтмотивами, повторами, перекличкой тем». И еще немаловажно, что «белковый автор» (из словаря эволюцию машинам проигравших шахматистов) и его креативный представитель в тексте не одно лицо, но, если угодно, единосущная двоица. Эта словесность трудна, ибо взыскательна: созданная для читателя, ненавязчиво требует встречного усилия к сотворчеству: монологи по сути своей диалогичны.

Открывает книгу общая экспозиция: вид города из западного окна, окна смерти. Там догорает парадигматический закат, так как запад в христианской гимнографии — это образ богооставленности, ибо Богочеловек Христос именуется Солнцем Правды, Свышним Востоком (майринковские коннотации оставляю специалистам).

А затем протагонист предпринимает «экстракорпоральный» опыт — выходит из тела: «Напомню, что прижизненное разлучение души и тела случай, хотя и редкий, но не сказать, что уникальный [...] Однако в своем

эксперименте я вовсе не намеревался прибегнуть к обряду, уже известному или самоизобретенному. К чему? Литература (а я верю в существование некой литеросферы, где она пребывает в своей очень даже настойчивой реальности) уже бессчетно разлучала душу с телом, лишь мановением пера [...] Таким образом я начал уже давно осваивать опыт бестелесности, его оттискивая на бумажных листах». Отметим это свидетельство: литература, сиречь, — *par par Verlaine* — изящная словесность по природе своей не утилитарна, ее республика — не от мира сего...

А потом душа, уже окончательно расставшись с телом, взмыла над городом и, в сопровождении Ангела Хранителя, совершает исход из эмпирической действительности — в эмпиреи, восходя по лестнице — как бы разбитого на фазы — внутреннего становления в истинную жизнь, ради чего, собственно, он и развоплотился. Но, достигнув нижнего неба, духовный летчик вдруг осознал свою еще неготовность к небесной жизни и, вновь оказавшись в точке исхода, у западного окна, сподобился принять от АХ перо из его оперения — благословение к творчеству. Заметим, именно смирение отличает истинного боголюбца от самозванного духобора.

Вкратце рассмотрим и другие три повести. Естественным образом разрешению души предшествует конечная стадия метаморфозы человека, причем аномальная: в следующем тексте исследуется феномен старческой бицефалии. *Tumor humanoid*, второе название повести Янус-2 — новообразование, медицине еще неведомое, «проклюнувшееся на затылке мятое младенческое личико». В итоге двуглавый повествователь, претерпев перепетии сюжета, на свой лад сбился в вечность. В финале мы видим его выкатывающим солнце из ангара на дневную траекторию. Апофеоз Януса.

Третья часть — «Поэма в 16-ти бифуркациях или, проще сказать, развилках». Этот текст описывает опыт добровольной — философической — самоизоляции и, таким образом, прообразует реальные события недавней/сверхновой истории: правда, автор оговаривает в послесловии, что предполагал не пандемию, а гражданскую смуту. Это по существу учебник одиночного умозаключения. Городская квартира, где затворился мыслитель-улитка, представляет собой довольно герметичную раковину, куда иные белковые существа не вхожи. Он переживает кризис веры и самоидентичности. И он бежит, однако, не от себя, как все, а устремился к себе, ради истинного самопознания, в коем — залог Богообщения и Богопознания. Следовательно, «гермит» занят самым важным и насущным для человека делом, пусть даже весь мир трубит и сиренит обратное.

Замыкает словесную симфонию вполне лирическая кода. И это не просто портрет художника в детстве. Это подлинный первоисточник его творчества, камертон, каким поверяется достоверность последующих высказываний. Это начало, поставленное в конец. «В комнату вошла мама, и я разом ощутил ее как самое родное существо». И лишь тот, кто потерял маму, это негромкое откровение расслышит.

Почему же исповедь? По сути, это искреннее поведение автора о своем раннем становлении, но и покаяние ему присуще как сокровенная правда. И оно свидетельствуется такими вот негромкими *confessiones*: «А пока не буду сетовать, что дар Божий будто б неполноценен, и такого-то вряд ли заслуживаю». И это как раз непритворное смирение, чуждающееся громких слов.

Давыдовские нотописи подчас называют эзотерическими, но, как думаю, это неверно. Перед нами духовная песнь, а присутствующие в тексте сложные образы, символы, медитативная сосредоточенность порождены, не побоюсь сказать, сокровенной молитвой, освящающей словесные гармонии.

А. Давыдов писал, что не апеллирует к закрытым контекстам. Иными словами, в его писаниях нет тайнописи, свойственной эзотерическому знанию. Да, по отношению к нашей четырехмерной реальности его мистические опыты можно бы окрестить трансцендентальным — или опять-таки метафизическим — реализмом, с тою оговоркой, что «мистический» и «эзотерический» не синонимы, а зачастую антонимы по знаку, потому что эзотеризм как таковой, увы, укоренен в оккультной сфере. Попросту говоря, в его текстах нет ничего зловещего. Его творения продукт истинного любомудрия, каковым прп. Иоанн Дамаскин именвал любовь к Богу, поскольку Бог есть истинная мудрость. И в этом же сокровенное послание автора — верней, коллектива вымышленных авторов, собранных А. Давыдовым под одной обложкой. И так из фрагментов с разными «ипостасями» сложилась общая история философствующего субъекта, собирательного «литер эго».

Для сравнения рассмотрим два произведения: «Пиковая дама» и «Сердце ангела» Алана Паркера. В пушкинской повести несомненно присутствует злокачественный мистицизм, но автор не проповедует его, а напротив, разоблачает. Вообще это повесть в хорошем смысле морализаторская, там присутствует ненарочитое нравоучение: обличается прежде всего страсть сребролюбия, остудившая сердце Германа, и те зловещие силы, которые посредством условно-демонического символа — пиковой дамы, демоницы — приводят антигероя к гибели.

Нечто похожее по интенции и у Паркера. Путь киногероя подобен алхимическому метаморфозу: он приходит к самопознанию, но не богоугодным путем, а через злоторство под руководством самого Луи Софьера, и момент откровения правды, когда несчастный частный детектив Гарри Энджел вдруг постигает, чем же он стал на самом деле, оказывается погибельным. А все потому, что некогда он, в своей ветхой шкуре будучи джазменом, заключил сделку с Люцифером, а потом вздумал перехитрить его, отца лжи, чтобы уклониться от выполнения контрактных обязательств. Однако ж дьявол посрамляет своего недобросовестного подрядчика, и тот опускается на лифте в подземку — ад поглощает его! Нельзя заигрывать с сатаной, как поступил в молодости этот злополучник, и не осатанеть. Невозможно в этом неравном противостоянии не проиграть жизни вечной... Ничего подобного у А. Давыдова нет.

В творениях А. Давыдова считается и философский дискурс. В этой своей модальности его тексты как бы скрытые трактаты (так здание соотносится с поэтажными чертежами). И повести, и поэмы одновременно — таковы уж его смысловые контрапункты. Но главное, у него есть, как думаю, камертон истины или надзвездный компас, что не допускает сбиться с пути, даже когда курс в небо становится вдруг курсивным. И это потому, что его небесный путеводитель — один из молитвенников его — блж. Августин, еп. Иппонский. Предполагаю, святитель молился об авторе, как все святые отцы молятся о внимательных читателях своих. И молитвы его не втуне.

Алексей ТУМАНСКИЙ

**Иосиф Рухович, «Два начала»
М.: EPSYS, 2011**

«Два начала» — так называется книга, вышедшая в издательстве «EPSYS». Книга, с изяществом и парадоксальностью исполненная Иосифом Руховичем.

Книга вышла довольно давно, но актуальности не потеряла. И хочется о ней поразмышлять.

Жанр?

Будто смешение жанров, и поэтичность книги прозы сразу замечается, приятно воздействуя на читательскую душу:

«В звездах, разбросанных рассеянным махом Сеятеля; в облаках, никогда не повторяющих причудливый рисунок; в размытых треугольниках гор, царапающих вершинами небесную твердь; в завораживающей бескрайности степи, застеленной разноцветным разнотравьем; в деревьях и кустах, заламывающих и протягивающих ветки; в непредсказуемых извивах речки, с шумными перекатами и тихими спиральными завихрениями; в таинственных шумах лесной тишины, с резким треском освобождающейся где-то в таинственной чаще энергии и шорохом шепчущихся листьев; в многоголосье острых ароматов, пронизывающих пространство — во всем этом хаосе линий, красок, звуков, запахов он ощущал какие-то непостижимые гармонии и пропорции, симметрию и ритм».

Удлиненная фраза — будто автор боится потерять хоть что-то из великолепного реестра щедрого мира: все надо вобрать, просветить поэзией слова, чтобы краски, словно очищенные, заиграли по-новому.

Это роман.

Роман в новеллах — хочется сказать.

Роман, посвященный становлению героя — Игоря, постепенному вызреванию его мышления, становлению как личности.

Постижение жизни персонажем — трагическим осознанием скоротечности ее, с энергией фраз, многие работают, как поэтические строки, завораживающие и обволакивающие.

Воспоминания слоятся.

Они слоятся, причудливо пересекаясь, переплетаясь все новыми и новыми ассоциациями; без воспоминаний нет реальности, нет настоящего.

Нет сегодняшней реальности, сиюминутность которой тоже трагична в своей основе.

...Это не верно, что память принадлежит нам: скорее — мы ей.

Последите за своей — она подбрасывает те воспоминания, или фрагменты их, какие ей угодно.

Она неустанна — устает мы.

И Игорь, вновь и вновь отправляясь в сады воспоминаний, словно выносит новые лепестки прозы Руховича.

Лепестки, цветы, растения — воспоминаний.

Постоянно у Руховича идет осмысление метафизики жизни:

«Вся жизнь — ожидание. Холод в груди — неприятностей, а то и чего-то страшного. А когда с приподнятостью ждешь свершений, то тоже не без холодка. Что уж говорить о периодах, когда ждешь вообще неизвестно чего. А кто уже ничего не ждет — и не живет вовсе».

И — словесные лабиринты, предлагаемые писателем, сложны.

Тем и интересны.

Книга оставляет хорошее послевкусие; работая и в эстетическом, и в философском планах, она заставляет по-новому оценивать явь.

Александр БАЛТИН

«Зинзивер»
(Санкт-Петербургский литературно-художественный журнал)
Издательство «Вест-Консалтинг»
(генеральный директор Евгений Степанов)
Бумага офсетная
Печать офсетная
Тираж 100 экз.

Сдано в набор 18.09.2026
Подписано в печать 28.09.2026